

Александр Михайловский
Александр Харников

ЯСНЫЙ НОВЫЙ МИР

Однажды в Октябре - 6

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

ЯСНЫЙ НОВЫЙ МИР

«Автор, Автор»

2023

Михайловский А. Б.

Ясный новый мир / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор»,
2023 — (Ангелы в погонах)

К лету восемнадцатого года Советской России удалось избежать Гражданской войны и в основном подавить проявления окраинного сепаратизма, но сражаться в защиту завоеваний Октября и за территориальную целостность первого государства рабочих и крестьян элитным частям Красной Гвардии предстоит много и кроваво. Прочитав эту книгу, вы узнаете о том, как рождался Новый Мир. Вам станет известно, чем закончились поползновения японской военщины на Советскую Сибирь и Дальний Восток, что случилось с белокитайскими милитаристами, которые попытались захватить КВЖД, а также о том, каким неожиданным образом завершились сражения на Западном фронте и как Нестор Махно оказался героем Мексиканской революции.

© Михайловский А. Б., 2023

© Автор, Автор, 2023

Содержание

21-я часть	5
22-я часть	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Михайловский, Александр Харников Ясный новый мир

21-я часть Удар в литавры

5 июня 1918 года. Петроград. Таврический дворец, кабинет председателя Совнаркома.

Присутствуют:

Председатель Совнаркома Иосиф Виссарионович Сталин

Председатель Верховного Совета Владимир Ильич Ульянов (Ленин)

Нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин

Нарком торговли и промышленности Леонид Борисович Красин

Глава ИТАР Александр Васильевич Тамбовцев.

Командующий особой эскадрой контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов

Был ясный и теплый июньский день. С Невы веяло прохладой, а за открытыми окнами сталинского кабинета шумели листвою деревья Таврического сада. В такую погоду сидеть бы и пить пиво в летнем кафе или гулять с девушкой по парку, а не обсуждать международную обстановку. Но положение обязывает, и мужчины, собравшиеся в этом кабинете, уже в возрасте – от сорока лет и более, серьезные и ответственные (одному только Сталину до сорока не хватало примерно полугода).

– Товарищи, – начал свое выступление председатель Совнаркома, сегодня мы с Владимиром Ильичом собрали вас, чтобы обсудить сложившуюся международную обстановку. Она существенно отличается от той, что имела место быть в прошлом наших потомков. Нам следует обсудить шаги, которые необходимо предпринять Советской России с целью закрепления достигнутых успехов. Товарищ Тамбовцев, вам слово.

– На настоящий момент, – сказал Тамбовцев, – главное отличие нынешней истории от прошлого варианта заключается в том положении, которого достигла Советская Россия, заключив почетный мир с кайзеровской Германией и отбив первые попытки иностранной, то есть британской, интервенции на Севере и в Персии.

– Товарищ Тамбовцев, – пыхнул папирасой Сталин, – вы думаете, что британцы еще раз попытаются попробовать нас на прочность?

– Да-да, батенька, – кивнул Ленин, – не кажется ли вам, что смена правительства Британии снимет напряжение в наших отношениях с Британией, и в конце концов правительство Черчилля будет вынуждено де-юре признать существование Советской России?

– Увы, товарищ Ленин, – с сомнением покачал головой Тамбовцев, – Уинстон Черчилль – совсем не тот, с кем мы могли бы поладить, поскольку его устроит только та политическая комбинация, в которой мы снова будем вести войну против Германской империи. А это нам абсолютно не нужно. Товарищ Чичерин, если я не ошибаюсь, в последнее время новое британское правительство должно было предпринять попытки дипломатического зондажа?

Чичерин посмотрел на Сталина и, дождавшись утвердительного кивка, произнес:

– Да, товарищ Тамбовцев, в настоящий момент у нас в Стокгольме, на нейтральной, так сказать, территории, произошли неофициальные контакты с британскими представителями...

– Георгий Васильевич, – усмехнулся Тамбовцев в свою седую бородку, – я вам даже имя этих «представителей» назову. Хотите? Это Роберт Локхарт, бывший генеральный консул

Великобритании в Москве, и одновременно сотрудник отдела политической разведки британского МИДа. Умный, коварный, хотя и несколько самонадеянный разведчик. В нашей истории он был замешан в «заговоре трех послов», организации левоэсэровского мятежа и попытке убить Владимира Ильича Ленина. Все эти операции сорвались. Правда, мятеж стоил Советской России немало крови, а ранения, нанесенные Владимиру Ильичу в ходе покушения, сократили его жизнь как минимум на несколько лет.

Ленин, который от природы был немного трусоват, вздрогнул от упоминания этого факта. Ничего не сказав вслух, он с такой выразительностью посмотрел на Сталина, а потом на Чичерина, что Тамбовцев понял: эти его слова, своевременно сказанные, нанесли британским интересам не меньше ущерба, чем залпы русских линкоров в битве у Бергена.

– Если этот Локхарт такой нехороший человек, – после минутной паузы произнес Сталин, – то мы передадим его дело в ведомство товарища Дзержинского или в военную разведку. Пусть тайно вывезут его из Стокгольма, а мы тут с ним побеседуем, поспрашиваем, какие инструкции он получил от своего руководства и какие заговоры собирался готовить против Советской России. Но, как мне кажется, товарищ Тамбовцев хотел сказать что-то еще...

– Что касается британцев в частности и англосаксов вообще, – сказал тот, – то силовые попытки улучшить свои позиции во время ведения переговоров – для них довольно распространенная привычка. Если Черчилль заинтересован в перемирии с Советской Россией, то это совсем не значит, что он под прикрытием переговоров не попробует провести против нас какую-нибудь военную операцию, чтобы убедить нас быть более сговорчивыми. Это может быть попытка устроить у нас внутреннюю смуту (чем может заняться господин Локхарт), а также организовать внешнюю интервенцию и напасть на наши войска на Ближнем Востоке или на Севере. Но этот вопрос уже не ко мне, а к военной разведке. Дело в том, что общее политическое и военное положение Британской империи и Антанты значительно ухудшилось в сравнении с нашим вариантом истории. А у Советской России и Германии, соответственно, улучшилось. Нет никакого сомнения, что руководство Антанты (если под этим словом иметь в виду англо-французский союз) сильно обеспокоено тем, что Советская Россия и Италия вышли из войны, а Североамериканские Соединенные Штаты, хоть формально и остались в числе воюющих стран на стороне Антанты, но полностью прекратили отправку на Западный фронт новых контингентов, считая это слишком опасным. При этом в Лондоне и Париже должны учитывать, что Советская Россия не только заключила с Германией почетный мир, но еще и установила с ней дружественные и экономически выгодные отношения, обрушившие режим британской идеальной блокады. Руководство Антанты не может не понимать, что при таких условиях оно рискует проиграть войну, и, соответственно, будет стараться принять меры к улучшению своего положения. Но вопрос, на что может решиться Антанта, стремясь изменить баланс сил в свою пользу, как я уже говорил, надо задать товарищам из разведке и военным.

– В лоб, через Германию, им нас не взять. – задумчиво произнес адмирал Ларионов. – Но у Антанты остается возможность либо организовать нам внутреннюю смуту, в чем вполне может участвовать мистер Локхарт и ему подобные, либо подтолкнуть на интервенцию своего единственного невоюющего союзника – Японскую империю. Дальний Восток, КВЖД и Забайкалье остаются нашей ахиллесовой пятой, со стороны которой мы обескровлены и обезжирены. Японская империя в любой момент может выставить против нас до трехсот тысяч штыков и не самый слабый флот. Нам же там защищаться почти нечем. Среди наших товарищей царят разброд и шатания, части старой армии в значительной степени разложены, среди казаков тоже идет брожение. Сибирская же флотилия может с успехом воевать только против браконьеров. Подводная лодка «Северодвинск», ранее служившая пугалом для японской военщины, отозвана в Мурманск для отдыха команды, которая не может находиться в море бесконечно.

– Очень хорошо, товарищ Ларионов, – кивнул Сталин, – в смысле хорошо, что вы это нам прямо сказали, и мы теперь можем принять по этому вопросу соответствующие меры. А так,

разумеется, все довольно плохо. Скорее всего, мы направим туда товарища Бережного со всем его корпусом, и пусть японцы, если они только задумают недоброе, пеняют на себя. Товарищ Тамбовцев, а как, по-вашему, будет действовать наш ситуативный союзник Германия?

– Германия, – ответил тот, – напротив, освободившись от Восточного и Итальянского фронтов и заполучив в свое распоряжение промышленность и природные ресурсы Северной Италии, Норвегии и Дании, улучшила свое положение, насколько это было возможно. И теперь она способна сосредоточить основные силы своей армии против главного врага, то есть Франции, имея против нее в двойное превосходство в живой силе. А это значит, что на направлениях главных ударов такое превосходство может быть и пяти-, и десятикратным. Кроме того, германский флот Открытого моря после последних неудач Антанты имеет над флотом Великобритании некоторое превосходство в линкорах, и абсолютное – в линейных крейсерах. Что может натворить эта армада, вырвавшаяся на оперативный простор океана, показал недавний рейд адмирала Хиппера, перебившего все горшки на британской атлантической кухне. Предполагаю, что во второй половине июня, или даже чуть раньше, германское командование предпримет энергичные попытки наступательных действий, как на суше, так и на море, чтобы окончательно переломить ситуацию в свою пользу и выбить из войны Францию, оставшись с Британией один на один. Надо понимать, что, несмотря на всю нашу экономическую поддержку, Германия находится на грани истощения своих экономических и человеческих ресурсов. И если до осени восемнадцатого года Мировая Война не закончится, боевые действия прекратятся как бы сами собой, потому что ни у одной страны больше не будет сил для их ведения.

Сталин не спеша размял в пальцах папиросу, потом отложил ее в сторону.

– Что касается экономической поддержки Германии... – задумчиво сказал он. – Товарищ Красин, скажите, насколько аккуратно ваши немецкие партнеры выполняют наши заказы и насколько качество поставляемого нам товара соответствует кондиции?

– Наши заказы выполняются точно и в срок, товарищ Сталин, – кивнул Красин. – А качество поставок вполне соответствует оговоренным стандартам.

– Это хорошо, – сказал председатель Совнаркома, – но мы считаем, что до осени, когда, как считает товарищ Тамбовцев, Германская империя может не выдержать тягот войны, и мы должны заполучить у своих немецких контрагентов как можно больше ценного промышленного оборудования. Неважно, проиграет ли Германия войну, выиграет ли, или сведет схватку к ничьей – такой нужды, как сейчас, в нашем сырье и продовольствии у нее больше не будет. Следовательно, необходимо уже сейчас готовиться к резкому снижению интенсивности наших с ней экономических связей... На этом, пожалуй, все, товарищи, до свиданья.

Ленин быстро написал несколько слов карандашом в блокноте, вырвал страничку и передал ее Сталину.

– А вы, товарищ Тамбовцев, останьтесь, – сказал Сталин, прочитав записку, – нам с товарищем Лениным необходимо обговорить с вами пару важных вопросов.

8 июня 1918 года. Петроград.

Лидер партии Левых социалистов-революционеров Мария Александровна Спиридонова

Попрощавшись с Савинковым, Мария Спиридонова вышла на улицу, обуреваемая сомнениями. Совсем недавно она вместе с большевиками в стенах бывшего Института благородных девиц вела активную работу по подготовке социалистической революции, которая, как ей казалось, должна была дать свободу народу и землю крестьянам.

Но неожиданно все пошло совсем не так, как думали эсеры. Эскадра под Андреевским флагом, вынырнувшая неизвестно откуда под орудийный гром Моонзундского сражения, помогла большевикам, а точнее, небольшой кучке сторонников Сталина, вырвать власть у перепуганного Керенского, после чего бывшие союзники левых эсеров начали железной рукой

править страной, направляя ее, как они считали, в светлое будущее. Правда, победители успели сделать многое из того, что понравилось ее товарищам по партии. Собственно, при этом Сталин и его компания фактически обокрали эсеров, использовав основные положения их партийной программы в той ее части, где говорилось о решении земельного вопроса. Ну да ладно – главное, они сделали то, что столько лет обещали крестьянам эсеры, но так и не сделали за время своего нахождения во власти. Для партийного самолюбия партии социалистов-революционеров это было весьма неприятно.

На встречу с Савинковым Мария Спиридонова шла с большой неохотой. Все-таки темной личностью был этот человек. Савинков, бывший в свое время правой рукой провокатора Евно Азефа, все время чудесным образом ускользал от охраны, которая обычно работала весьма успешно, в чем Мария Александровна могла убедиться лично. Многие в партии поговаривали, что Азеф взял Савинкова себе в помощники не случайно. Ведь недаром тот сам как-то проболтался: «Азеф занимал положение капитана корабля, я – старшего офицера; именно я сношился со всеми товарищами, был с ними в непосредственном общении, со многими в тесной дружбе. Он, если так можно выразиться, из своей каюты не выходил, отдавал приказы через меня, вел организацию через меня».

Куда Азеф вел Боевую организацию партии Социалистов-революционеров, удалось узнать с помощью Бурцева и Лопухина. Когда решалась судьба Азефа, Савинков предпочел отречься от своего «капитана».

Не нравилась Марии Спиридоновой и любовь Савинкова к «красивой жизни». После разоблачения Азефа в 1909 году он возглавил Боевую организацию эсеров. ЦК партии поставил перед ним задачу – убить императора Николая II. Планировались также ликвидации министра юстиции Щегловитова, министра внутренних дел Столыпина, великого князя Николая Николаевича. За два года Савинков потратил на подготовку терактов около 70 тысяч золотых рублей. Результат же оказался нулевым, за исключением того, что сам руководитель боевой организации ни в чем себе не отказывал, жил на широкую ногу и был завсегдатаем ресторанов и казино.

А в сентябре прошлого года Борис Савинков еще раз проявил свою подлую сущность, поддержав мятеж генерала Корнилова, за что и был с позором изгнан из партии социалистов-революционеров. И теперь он предлагает ей и ее товарищам организовать мятеж против Сталина и его команды. Можно ли вообще верить этому человеку, или лучше держаться от него подальше?

И вот сегодня Мария Спиридонова, которую не оставляли тяжкие раздумья, вынуждавшие ее бесцельно бродить по городу, прогуливалась в районе Смольного (тянуло ее в это место, связанное, как ей казалось, с пиком ее революционной карьеры). С Лафонской площади она свернула на одноименную улицу, а с нее – на Шпалерную, и направилась в сторону Таврического дворца.

У Кикиных палат ее окликнули. Обернувшись, она увидела своего старого знакомого по Акатуйской каторжной тюрьме эсдека Николая Сапожникова. Он угодил на каторгу за участие в «эксе» на Кавказе. После февральской революции Николай освободился и приехал в Петроград, устроившись работать к Сталину в газету «Рабочий путь». Сейчас он служил в новой и не совсем понятной структуре большевиков – ИТАР (Информационном Телеграфном Агентстве России). Как удалось узнать Марии, возглавлял это ИТАР некто Александр Тамбовцев. Спиридонова лично знала многих революционеров, но о Тамбовцеве до октября прошлого года ничего не слышала. Поговаривали, что этот человек был правой рукой Сталина (точнее, одной из его правых рук), и прибыл в Петроград в октябре семнадцатого вместе с эскадрой адмирала Ларионова.

– Ты что, Маша, совсем зазналась? – улыбнулся Сапожников. – Вижу, ты перестала узнавать своих старых товарищей по царским застенкам...

– Извини, Николай, – ответила та. – Я просто задумалась, и не заметила тебя. Ты же знаешь, что я всегда рада тебя видеть.

– Это да, – кивнул Сапожников. – Сейчас столько работы, что иногда голова идет кругом. Мой новый начальник не дает засиживаться в кабинете. Приходится все время бегать – то в газеты, то в издательства, то к художникам, которые готовят ежедневные «Окна ИТАР» для тех, кто неграмотен и не может узнать из газет, что происходит в мире. А ты где сейчас трудишься, Маша? Неужели бездельничаешь? На тебя это не похоже...

– Ну ты же знаешь, Коля, что моя партия оказалась ненужной нынешней России, – с горечью ответила Спиридонова. – Вы, большевики, хотите править единолично, не допуская к власти чужих. Да-да, мы, социалисты-революционеры, стали для вас чужими, когда своими для вас стали царские генералы и чиновники. Брат Николашки у вас командует Красной Гвардией, а сам гражданин Романов сидит себе спокойненько в Гатчине, и никто из вас не собирается отдать его под суд, чтобы он ответил за все преступления, совершенные против народа за годы правления.

– А ты, я смотрю, Маша, осталась все той же, колючей и злой, – покачал головой Сапожников. – Разнести все до основания очень просто, только тогда и оглянуться не успеешь, как окажешься в иностранной кабале. А насчет граждан Романовых... Так мы и Керенского вашего тоже не тронули. Отвели ему помещение и дали возможность собирать разные слезницы и жалобы на действия наших властей. Каждую неделю он притаскивает в Совнарком ворох таких бумаг. Большая часть из них – обычные кляузы, но среди них попадаются действительно тревожные сигналы о некоторых наших товарищах, которые, получив власть, почувствовали себя такими удельными князьками. Подобные бумаги мы передаем в ведомство Феликса Эдмундовича Дзержинского. После соответствующей проверки на местах виновных в безобразиях или отстраняют от руководящей работы, или отдают под суд. Ну, а мы печатаем о принятых мерах в газетах. Как говорит мой начальник, «страна должна знать своих героев!» Так что, видишь, Маша, «и терпентин на что-нибудь полезен»... – Николай рассмеялся, подмигнув своей собеседнице.

– Значит, вы в своем ИТАРе работаете вместе с НКВД? – задумчиво произнесла Мария Спиридонова. – Слушай, Николай, а ты не мог бы свести меня со своим начальником? Ведь я – ты, наверное, помнишь – работала в газете «Земля и воля». Может быть, ваш товарищ Тамбовцев найдет для меня подходящую работу? И еще... Николай, я хотела бы переговорить с товарищем Дзержинским. У меня есть для него важные сведения.

Улыбка исчезла с лица Сапожникова. Он внимательно посмотрел на Спиридонову.

– Так кто тебе нужен, Маша? – поинтересовался он. – Тамбовцев или Дзержинский? А может быть, и тот, и другой? Имей в виду, Александр Васильевич в прошлом тоже в некотором роде имел отношение к спецслужбам, и поэтому они с Дзержинским довольно часто обсуждают вдвоем некоторые, гм, специфические вопросы. Давай сделаем так: я все равно сейчас иду в Таврический дворец. Первый, с кем я переговорю, будет мой начальник, товарищ Тамбовцев. И он уже решит, куда и когда тебе следует обратиться. Исходя из этого, на тебя и будет выписан пропуск. Но прежде всего мне хотелось бы узнать от тебя тему, которую ты хотела бы с ними обсудить. В двух словах...

– Могу обойтись и одним словом, – усмехнулась Спиридонова. – Скажи им «Савинков». И они все поймут.

– Понятно, – кивнул Николай. – Тогда вот тебе мой телефон... – Он протянул Марии визитную карточку – И позвони по нему где-то через час. А я побежал... Надеюсь, еще с тобой увидеться.

Когда через час Мария Спиридонова позвонила по указанному телефону, ей ответил Сапожников, тут же передав трубку своему начальнику.

– Мария Александровна, – ответил Тамбовцев, – я хотел бы встретиться с вами в Таврическом дворце сегодня, скажем, в семь часов вечера. Вы можете быть в это время? Пропуск вам уже заказан.

– Да, товарищ Тамбовцев, могу, – ответила Спиридонова. – Буду ровно в семь часов. До встречи.

Она положила трубку на рычаг телефона и задумалась. «Нет, я поступила правильно. Савинков хочет использовать нас, подставив под удар всей мощи карательной машины большевиков. Мы красиво погибнем за интересы его французских хозяев, а он получит от своих новых хозяев деньги и снова станет кутить в парижских ресторанах с кокотками, расписывая свои подвиги в новых романах, где он будет изображен рыцарем без страха и упрека. Но такой возможности мы ему не предоставим...»

10 июня 1918 года. Утро. Илецк (Соль-Илецк), железнодорожный вокзал. Штабной поезд корпуса Красной гвардии.

Полковник Бережной Вячеслав Николаевич

Долог был путь корпуса Красной Гвардии по железным дорогам послереволюционной России от Эрзерума до Илецка. Выступив из Эрзерума, эшелоны нашего корпуса проследовали через Саракамыш, Карс, Александрополь (Гюмри), Тифлис, Гянжу, Баку, Петровск, Гудермес, Минеральные Воды, Армавир, Тихорецкую, Сальск, Зимовники, Царицын, Саратов, Уральск... И вот он – Илецк, до которого добрались через сорок дней блужданий по железным дорогам единой и неделимой. От Минвод до Царицына эшелоны корпуса шли по землям Всевеликого Войска Донского, где только-только улеглась смута, вызванная мятежом генерала Краснова.

Тяжелые пушечные бронепоезда, раскрашенные в коричнево-зеленые камуфляжные цвета, и эшелоны с бронетехникой и бойцами лязгали колесами на стыках рельс, напоминая казачкам о том, что продолжение смуты может закончиться для ее участников большими неприятностями. Правда, станичники и сами не рвались начать братоубийственную войну. Да и не находилось уже для такой войны причин: первые же декреты советской власти резко снизили напряженность между казаками и иногородними.

Войсковой старшина (ныне атаман Миронов) крепко держал власть в своих руках, и была уже надежда, что вовсе обойдется без войны. Другая битва намечалась в казачьих станицах и селах иногородних – битва за урожай. Те казаки и иногородние, что выжили на Германской войне и вернулись домой, отлюбили жен за все время разлуки и с жадностью набросились на привычный сельский труд. Не до войны им сейчас, не до смуты.

Вот и смотрит сейчас казак на покосе, оттерев с лица пот, как пролетают мимо эшелоны, нагруженные хорошо вооруженными и обмундированными бойцами. Смотрит и благодарит Бога, что, пока у Советской России есть такие люди, он может дома заниматься мирным трудом, а не мчаться на всем скаку под свист пуль в атаку на пулеметы.

Население в одиннадцать тысяч жителей, мухи, пыль, ужасная жара даже в начале июня – такова узловая станция, где мы должны получить приказ, который определит, двигаться нам в Туркестан, на подавление басмачей, или же в другую сторону. Приказ, кстати, уже пришел, вот он – телеграфный бланк с колонкой пятизначных чисел.

Из шифровального отдела мне принесли уже расшифрованную телеграмму, и мы с Михаилом Васильевичем Фрунзе склонились над ней, вчитываясь в отпечатанные строки. И нам становится все ясно.

Михаил Васильевича товарищ Сталин отзывает в Питер. Хватит, нагулялся наркомвоенмор по городам и весям, навоевался с зарубежными супостатами и прочими врагами советской власти, пора и честь знать. Пожары на окраинах в основном потушены, и лишь кое-где тлеют отдельные дымки. Теперь пора поработать на перспективу и заняться стратегией. В любом

случае из-за плеча Первой мировой обязательно появится Вторая, и Советская Россия к ней должна быть готова.

А корпусу Красной Гвардии и мне лично поступил другой приказ. Путь наш лежит на восток – в Иркутск и Читу, где на границе с Маньчжурией сложилась тревожная ситуация. Императорская Япония – молодой хищник, отобравший у Германии Циндао – посчитала, что с бушующей на западе мировой войной ее уже ничего не связывает. Зато Страна Восходящего Солнца давно облизывается на северную Маньчжурию, а также на дальневосточные и забайкальские владения Российской империи. До сих пор сдерживали японцев только воспоминания о кровавых гекатомбах русско-японской войны. Девяносто тысяч безвозвратных потерь за ту войну – это слишком много для немногочисленного японского народа, особенно учитывая, что русские тогда потеряли вдвое меньше. Если бы император в Петербурге был хоть чуточку пожестче, то японцам пришлось бы вешаться прямо там, на сопках Маньчжурии.

Разгром 2-й и 3-й Тихоокеанской эскадры при Цусиме еще не означал проигрыша войны, потому что на суше Россия, уже имеющая в тылу Транссиб с Кругобайкальской железной дорогой, могла сражаться долго, перемалывая в сухопутных сражениях одну японскую армию за другой. В таком случае мир был бы заключен на русских условиях и после того, как у японского императора Муцухито просто не хватило бы солдат. Но в Петербурге сидел тот, кто сидел, и та война кончилась так, как она кончилась; и возможность все переиграть и у тех, и у других появилась лишь сейчас.

Теперь, когда Россию одолела смута, особенно заметная на окраинах, самураи решили, что у них снова появился шанс... Первую попытку предприняли зимой и чужими руками, но атаману Семенову тогда жестоко не повезло. Вторжение в Даурию было отбито, большая часть семеновской банды и приданных ей японских солдат полегли в бою, а сам Семенов и его ближайшие подручные попали в плен и впоследствии их всех повесили в Чите по приговору революционного трибунала.

Но, по данным разведки, самураи на этом не успокоились и решили повторить попытку, на этот раз начав против Советской России неприкрытую агрессию. В Джайрене (бывший русский Дальний), а также в Фузане (нынешний Пусан), каждый день с транспортов выгружались японские солдаты, направляясь затем на север – к Мукдену, Хасану и далее, в зону КВЖД, в которой, благодаря бездействию генерала Хорвата, японских солдат собралось уже несколько дивизий.

Первым пунктом приказа было присвоение мне внеочередного звания генерал-лейтенанта Красной Гвардии. О как! Товарищ Сталин вспомнил, что полковник корпусом командует! Доверие, конечно, немалое, но и ответственность большая. К тому же мою политическую «няньку» – товарища Фрунзе – от меня забирают, не оставив никого взамен. Поверили, значит, в меня! И правильно сделали: Бережной воюет за совесть, а не за страх.

Вторым пунктом приказа шла задача, простая, как мычание. В случае совершения агрессии со стороны Японской империи или при поступлении соответствующего зашифрованного приказа командования я, получив права Красного Наместника Дальнего Востока, должен силами своего корпуса и приданных местных частей Красной Гвардии огнем и мечом пройти по КВЖД, выметая оттуда самурайскую нечисть.

Задача осложнялась тем, что лето – не зима, и кадрированные части Забайкальского территориального корпуса Красной Гвардии, которым командует Сергей Лазо, собрать можно будет только в том случае, если японцы, сминая пограничные заслоны, толпой попрут через границу. Что казака, что мужика летом от хозяйства оторвать никак нельзя, разве только угрозой чего-то настолько ужасного, что и вообразить трудно. Когда пьяный косорылый унтер зарубит твою жену, а солдаты толпой на сеновале насильничают дочку – только после этого вскипит в еще не знавших вражеских нашествиях сибиряках ярость благородная; но, боюсь, что

тогда будет уже поздно. Придется моему корпусу одному драться против всей императорской армии...

– Да, Вячеслав Николаевич, – сказал Фрунзе, почесав в затылке, – нелегкую задачу поставил вам товарищ Сталин. Но мы уверены, что вы сможете ее выполнить...

– Бог не дает креста не по силам, Михаил Васильевич, – я хмуро посмотрел на Фрунзе, – отобьемся в любом случае и задачу, поставленную партией и правительством, выполним. Но сколько народа поляжет зря – даже страшно представить... Короче, так, Михаил Васильевич: мне будет дорог каждый кадровый штук или шашка, каждое орудие или бронепоезд. Молю вас Христом-Богом, Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, и прочими классиками, чтобы вы подкинули мне пару кадровых дивизий в довесок к моему корпусу, а также как можно больше артиллерии и бронепоездов. В любом случае, боевые действия будут вестись вдоль железных дорог, и бронепоезда в ней станут главным ударным оружием.

– Не так все плохо, Вячеслав Николаевич, – покачал головой Фрунзе, – в территориальном корпусе у Лазо имеются две кадровых бригады с хорошими командирами. Это разведывательно-штурмовая бригада вашего товарища, старшего лейтенанта Бесоева, которому по совокупности заслуг присвоено звание подполковника. И бригада лесных егерей полковника Слащова...

– Слащов – это еще тот перец, – кивнул я. – Отличный тактик, мастер маневренной войны. Если японцы сунутся, то он их заставит умыться кровью. Но одного Слащова для решающей победы будет недостаточно. Проблему подавляющего численного превосходства противника не решит даже дюжина Слащовых.

– Вы, Вячеслав Николаевич, делайте свое дело, – сказал Фрунзе, – а мы будем делать свое. Много войск я вам обещать не могу – ну, пару дивизий, не больше. Трехмиллионной Красной Армии в нашем распоряжении не имеется, но предметами материального обеспечения вас снабдят в полном объеме, ибо от мировой войны этого добра осталось навалом. Для антияпонской борьбы попробуйте использовать в деле местных товарищей – я имею в виду китайцев – организуйте из них взводы, роты и даже батальоны. Ну, вы меня понимаете...

Я товарища Фрунзе понял. После страшного напряжения Первой мировой, когда царь Николай, пойдя на поводу у французов, призвал даже запасных четвертой очереди (что, собственно, и разложило армию), Советская Россия еще как минимум лет десять-пятнадцать не сможет себе позволить содержать постоянную армию свыше полумиллиона штук и сабель. Та самая трехмиллионная Красная Армия, которая в нашей истории возникла в ходе Гражданской войны – совсем не показатель. Большая ее часть не отличалась хорошей боеспособностью и имела крайне низкую дисциплину (что особенно ярко показала Польская кампания), в силу чего большинство красных частей пришлось расформировать сразу после ликвидации крымского плацдарма Врангеля. Лучше меньше, да лучше – видимо, это и в самом деле правильно.

Пройдет совсем немного времени – раздастся гудок паровоза, и наш поезд продолжит движение в новый этап жизни в этом бурном и горячем послереволюционном времени. Если нам и в самом деле суждено устроить тут реванш за русско-японскую войну, то мы непременно это сделаем.

12 июня 1918 года. Петроград. Таврический дворец.

Главы ИТАР Александр Васильевич Тамбовцев

Я с любопытством смотрел на сидящую передо мной даму средних лет. Мария Спиридонова сейчас меньше всего напоминала «самую популярную и влиятельную женщину России» (так называл ее в нашей истории американский журналист Джон Рид). Ее лицо выражало волнение и растерянность. Спиридонова мялась, видимо, еще не решив, как ей себя вести со мной. Для нее я представлял собой темную лошадку, ведь до октября 1917 года она ничего не

слышала обо мне, хотя эсеры и эсдеки, находясь на каторге или в ссылке, были друг с другом достаточно откровенны.

Не желая больше испытывать терпение своей посетительницы, я взглянул на нее и поинтересовался:

– Мария Александровна, вы хотели меня видеть. Я готов внимательно выслушать вас. Только, если вы сейчас не готовы к откровенному разговору со мной, можно перенести его на другой день.

Она с тоской посмотрела на меня, тяжело вздохнула и принялась излагать то, что, как я понял, мучило ее последние дни.

– Товарищ Тамбовцев, я пришла к вам как человек, преданный делу революции. Прошу понять меня правильно – я всегда презирала доносчиков. Но в данном случае я перестала бы себя уважать, если бы утаила от своих товарищей то, что мне удалось узнать совсем недавно...

И она подробно рассказала мне о визите в Петроград Бориса Савинкова и о том, что он ей предложил во время встречи. Я не стал говорить ей, что кое-что из того, что она сообщила, мы уже знали. Появление в Советской России такой заметной и известной многим политической фигуры, как Савинков, не могло остаться незамеченным. К тому же Александрович, за которым мы давно уже приглядывали, явно страдал недержанием речи. Он разболтал о своей встрече с бывшим подручным Евно Азефа кое-кому из своих приятелей. Ну а далее, как говорил папа Мюллер, «что знают двое – знает и свинья».

Мы, конечно, предполагали, что рано или поздно Борис Савинков вернется к родным пенатам, и заранее предприняли кое-какие меры для того, чтобы взять его под наблюдение. Лишь одного мы не знали точно: на кого он будет в этот раз работать – на французов или британцев. Оказалось, на французов.

Ну что ж, как говорил поэт Лермонтов: «Постой-ка, брат мусью...»

– Товарищ Тамбовцев, надо сделать все для того, чтобы остановить Савинкова, – взволнованно закончила свой рассказ Мария Спиридонова. – Этот человек погубит немало честных социалистов-революционеров, которые поверят в его пламенные речи и поднимут оружие на представителей народной власти. Скажу сразу – я не всегда и не во всем согласна с тем, что делают большевики. Мне чужды их грубые шаги и их союз с некоторыми из «бывших», но нам, левым эсерам, надо быть с ними в контакте, потому что за ними идет масса, выведенная революцией из состояния застоя. Но одно дело критиковать Сталина и Ленина, и совсем другое – поднять против них мятеж.

– Вы абсолютно правы, Мария Александровна, – постарался я ее успокоить. – Можно иметь взгляды, отличные от других революционеров – а вы ведь должны согласиться со мной, что товарищи Сталин и Ленин настоящие революционеры. Но ни в коем случае нельзя переступать ту опасную черту, за которой начинается кровавая смута. Вы прекрасно понимаете, что мятеж Савинкова изначально обречен на поражение. С обеих сторон будут жертвы, прольются потоки крови – но что эти жертвы и кровь для Савинкова, который опять рассчитывает выйти сухим из воды, и для его хозяев из Парижа... Но мы – не они, и не можем позволить, чтобы такое произошло.

– Я очень рада, Александр Васильевич, что мы с вами нашли общий язык. – Мария Спиридонова впервые обратилась ко мне по имени-отчеству. – Хотелось бы, чтобы наш разговор стал известен товарищу Дзержинскому. Ведь он у вас, у большевиков, служит кем-то вроде начальника красной охранки... – моя собеседница криво усмехнулась. – Савинкова надо остановить – и чем быстрее, тем лучше. Я хорошо знаю этого человека – он азартен и может поднять мятеж в самое ближайшее время.

– Товарищ Дзержинский должен сейчас подойти. – Я взглянул на часы. – А пока, без него, следует подумать о том, как лучше обезвредить Савинкова. Можно, конечно, арестовать его – для этого имеющейся у нас информации достаточно. Но нельзя гарантировать, что господа

из Парижа не найдут другого человека, который, не имея такой известности, как Савинков, будет менее заметен и сможет организовать мятеж, во время которого погибнут люди. Следовательно... – я внимательно посмотрел на Марию Спиридонову. Она понимающе мне кивнула.

– Вы, Александр Васильевич, – сказала она, – хотели бы выявить все связи Савинкова и всех тех, кто разделяет его желание выступить с оружием в руках против правительства Советской России? То есть провести что-то вроде жандармской провокации...

– А у вас есть какое-то другое предложение? – ответил я вопросом на вопрос. – Я с удовольствием его выслушаю.

Спиридонова лишь пожала плечами. Она прекрасно понимала, что с такими людьми, как Савинков, можно бороться, лишь проведя нечто вроде операции «Синдикат-2».*

Примечание авторов: * Операция «Синдикат-2» – разработанная и проведенная ОГПУ в 1922–1924 годах оперативная игра, направленная на нейтрализацию и ликвидацию савинковского бандподполья. Она успешно закончилась 16 августа 1924 года арестом в Минске Бориса Савинкова.

Конечно, ей очень не хотелось играть роль провокаторши, чтобы заманить своего бывшего товарища по партии в ловушку. Но нельзя быть чуть-чуть беременной. И Мария Спиридонова решилась.

– Хорошо, Александр Васильевич, я согласна помочь товарищу Дзержинскому остановить Савинкова. Я лично не желаю, чтобы те из моих товарищей, кто попадет на удочку этого авантюриста, пролили кровь таких же, как и они, революционеров. Только, товарищ Тамбовцев, я прошу вас дать мне слово – те, кто не замарают свои руки кровью, не должны быть строго наказаны.

– Обещаю, – ответил я. На эту тему у нас с товарищами Дзержинским и Сталиным уже был разговор. Они согласились, что добровольно сложивших оружие и давших слово не вести вооруженную борьбу против Советской власти амнистируют и отпустят на все четыре стороны. Но мы не обещаем ни жизни, ни здоровья, ни свободы тем, кто не пожелает сложить оружие, или тем, кто будет замешан в убийствах и насилии.

– Это вполне справедливо, – мотнула головой моя собеседница. – Скажите, что я должна сделать?

Тут раздался стук в дверь, и в мой кабинет вошел «Железный Феликс». Он поздоровался со мной и со Спиридоновой, которую хорошо знал еще с дореволюционных времен, потом снял свою неизменную солдатскую фуражку и, пригладив волосы, уселся за стол.

– Я вижу, что вы, товарищ Тамбовцев, уже успели переговорить с товарищем Спиридоновой, – сказал он. – Я знаю Бориса Савинкова еще по Варшаве, и прекрасно представляю, что может натворить этот авантюрист, если его вовремя не остановить. Как я понимаю, товарищ Спиридонова тоже так считает?

Лидер партии левых эсеров кивнула, соглашаясь с Дзержинским.

– Ну вот и отлично, товарищ Спиридонова, – Дзержинский выразительно посмотрел на меня, предлагая мне рассказать о плане оперативной комбинации, которую мы с ним разработали.

Я раскрыл свой блокнот и, посмотрев на своих собеседников, начал.

– Мария Александровна, вам следует снова встретиться с Савинковым и сказать ему, что некоторые из ваших товарищей готовы участвовать в вооруженном выступлении. И еще, – я внимательно посмотрел на нее, – вы скажете, что у вас появился знакомый с эскадры адмирала Ларионова. Он не занимает высокие посты в большевистской иерархии, но то, что он может рассказать – естественно, не бесплатно – наверняка заинтересует Савинкова и его кураторов. Наша задача – взять под контроль штаб подготовки мятежа и узнать заранее все планы Савинкова. Ну и, если получится, выявить его зарубежные связи. Вот вкратце наш план. А более подробно мы проработаем его тогда, когда будем располагать всей информацией.

– Товарищ Спиридонова, – сказал Дзержинский, – здесь мы с вами встречаться больше не станем – это для вас слишком опасно. Александр Васильевич даст вам несколько явок, где мы будем обсуждать все текущие вопросы. А также некоторые вещи, которые пригодятся вам в вашей работе.

Я достал из ящика стола карманную рацию и портативный радиомикрофон, замаскированный под брошь.

– Как пользоваться этими приборами, я научу вас чуть позже, – сказал я, в то время как Спиридонова с округлившимися от изумления глазами наблюдала за моими манипуляциями. – Думаю, многое из того, что вам еще предстоит узнать, окажется для вас весьма удивительным. Но всему свое время...

15 июня 1918 года. Утро. Германская империя. Ставка верховного командования в Спа.

Присутствуют:

Император Вильгельм II

Главнокомандующий – генерал от инфантерии Эрих фон Фалькенхайн

Командующий группой армий «фон Белов» (1-я, 7-я, 9-я) (Парижское направление) – генерал от инфантерии Фриц фон Белов

Командующий группой армий «Принц Леопольд» (2-я, 17-я, 18-я) (Амьенское направление) – генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский.

Мужчина средних лет в русском камуфляже без знаков различия

– Господа, – сказал кайзер, глядя на своих славных генералов, – у нас есть единственный шанс изменить ход боевых действий в свою пользу. Должен открыть вам горькую правду: несмотря на то, что у нас есть все необходимое для ведения боевых действий и функционирования экономики, терпения у германского народа хватит лишь на полгода. Или за это время мы разгромим Францию и, оставшись один на один с Британией, снизим военное напряжение, или германские солдаты сами решат вопрос в пользу мира по русскому образцу. Мы были вынуждены пойти на беспрецедентно жесткие условия русских и заключить с ними мир – только ради того, чтобы собрать все свои силы против Франции и ее союзников. Теперь, когда мы, проведя часть подготовительных наступательных операций, привели линию фронта в конфигурацию, наилучшую для нанесения решающего удара, и подготовили все необходимые для того ресурсы, мы не можем потерпеть неудачу, как в августе четырнадцатого. Сейчас или никогда, господа генералы! Или мы одержим победу, или нас ждет революция! Либералы, социал-демократы и прочая сволочь, умеющая лишь чесать языки в Рейхстаге, только и ждут того момента, когда империя, созданная гением моего деда, императора Вильгельма I и великого Бисмарка, рухнет в грязь. Но я имею все основания считать, что до этого дело не дойдет. О наших ближайших планах вам доложит наш главнокомандующий – генерал от инфантерии Эрих фон Фалькенхайн...

– План генерального летнего наступления, – начал Эрих фон Фалькенхайн, – основан на массовом применении новой боевой техники, эффекте внезапности и грамотной реализации численного превосходства наших войск, появившегося после заключения мира с Россией, а Италия потерпела поражение от нас и от наших австрийских союзников. Первой удар на Амьен в стык между британской и французской армиями нанесет группа армий «Принц Леопольд» в составе 2-й, 17-й и 18-й армии. Задача, которая будет поставлена войскам, подчиненным генералу-фельдмаршалу Леопольду Баварскому, одновременно и проста, и сложна. Проста она потому, что от нынешней линии фронта до Амьена всего семьдесят километров. В том случае, если вам, принц, удастся взять Амьен, французская армия окажется отрезана от британской. Но имейте в виду – для этого наступления вы получите наше самое современное чудо-оружие: несколько отдельных рот панцеркампфагенов А7V-М, бронепоезда «русской» конструкции,

вооруженные морской артиллерией, а также достаточное количество авиации, в числе которой и наша лучшая истребительная эскадра, которой командует Манфред фон Рихтгофен*. Сложна эта операция потому, что Антанта за Амьен будет отчаянно драться, бросив против вас все свои резервы. Но Амьен вы должны будете взять любой ценой. Взять и удержать, несмотря на то, что на вас навалятся все английские и французские резервы...

Примечание авторов: * *В этой реальности Манфред фон Рихтгофен жив, и шальная пуля его пока еще не нашла. Более того, он прошел лечение на плавгоспитале эскадры адмирала Ларионова и снова находится в отличной форме.*

– Да! – воскликнул кайзер. – Амьен должен быть непременно взят и непременно удержан. Это безусловное условие нашей победы в этой войне. Кстати, наш русский друг ничего не хочет нам сказать?

– Мне нечего добавить к сказанному главнокомандующим, – сказал неизвестный в камуфляже, – единственное, о чем хотелось бы напомнить: не стоит атаковать узлы сопротивления подвижными соединениями? Это дело пехоты, а танки – простите, панцеркамфвагены – вкупе с кавалерией и посаженной на грузовики пехотой должны, обходя все препятствия, стремиться к главной цели.

Леопольд Баварский возмущенно фыркнул и захотел что-то ответить незнакомцу. Но, заметив укоризненный взгляд кайзера, промолчал.

– Благодарю вас, – кивнул кайзер, – что вы там говорили насчет узлов сопротивления?

– Ваше величество, – ответил незнакомец, – я знаю, как работает механизм глубокой операции, а вы, извините, пока нет. Поэтому я посоветовал бы вам запретить командирам на местах придавать роты панцеркамфвагенов пехотным дивизиям. В крайнем случае их можно использовать только вместе с кавалерией, которая может двигаться в таком же быстром темпе. Броня на гусеницах – это не просто средство усиления пехоты, а отдельный род войск, способный решать стратегические задачи. Броне и кавалерии после прорыва фронта – всего один дневной переход. Если, как я говорил, они просто обойдут узлы сопротивления, а пехота будет ползти до него неделю, маршал Фош сумеет стянуть к Амьену все, что у него есть, и сражение за Амьен опять превратится в бойню, как при Вердене. Но если к тому моменту, когда французы и англичане поднимут тревогу и попытаются запечатать прорыв, Амьен будет уже взят, то сделать это им будет куда сложнее. А ваша пехота, сопротивление которой ослабнет, придет на выручку подвижным соединениям не через семь, а всего через три дня.

– Хорошо, герр, к сожалению, не знаю вашего имени, – ответил принц Леопольд, – я запомню ваши слова. Кстати, мне хотелось бы знать, почему вы помогаете нам против ваших бывших союзников...

– С такими союзниками нам никаких врагов не надо, – с усмешкой ответил незнакомец. – Для нас вполне достаточно того, что именно Антанта инспирировала в нашей стране государственный переворот. А сейчас они инспирируют один заговор против нашей власти за другим. Дело доходит до подготовки покушений на руководителей Советской России. К тому же мы прекрасноладили с вашими адмиралами, и корабли флота его величества кайзера нашли пристанище в наших портах.

– Да, принц, вы должны помнить, что без помощи наших русских союзников мы были бы вынуждены воевать сейчас с американской армией, а наш флот был бы заперт, как в бутылке, в Северном море. А помощь сырьем и продовольствием, которые мы теперь получаем с Востока? Конечно, за это нам приходится платить, но русские не дерут с нас три шкуры, как эти паршивые нейтралы...

– Господа, господа, – вмешался в разговор Эрих фон Фалькенхайн, – давайте вернемся к главному предмету нашего сегодняшнего разговора – предстоящему наступлению на Западном фронте. Хочу еще раз повторить всем присутствующим – как только все французские и английские резервы вместе с некоторыми фронтовыми частями окажутся втянутыми в изну-

рительную схватку за Амьен, тогда и настанет черед группы армий «фон Белов» в составе 1-й, 7-й и 9-й армий. Главный удар на Париж должна нанести 1-я армия, в состав которой в ближайшее время будет включена 1-я конно-механизированная дивизия, в которую входят сто двадцать новейших панцеркампфвагенов того же типа, что недавно так прекрасно зарекомендовал себя в боях за Реймс. От линии фронта под Шато-Тьерри до Парижа тоже всего один переход для этих замечательных машин.

– Да! – выкрикнул кайзер, – это будет удар прямо в сердце этой мерзкой потаскушке Франции, и он должен быть неотразим и смертелен. И как только трусливые парижане вынесут ключи от города, мы продиктуем Франции свои условия капитуляции, как полвека назад... А когда Франция будет выбита из войны, мы сможем считать, что мы добились победы. Ведь Париж – это не просто очередной французский город, пусть и очень большой, Париж – это конец войны и заслуженный отдых. И вы, господа, должны объяснить каждому вашему солдату и офицеру, ради чего они пойдут в эту битву, которая решит судьбу Фатерлянда!

18 июня 1918 года. Петроград. Таврический дворец. Кабинет главы НКВД. Тамбовцев Александр Васильевич

К «Железному Феликсу» я пришел, получив информацию от главы Военной разведки Николая Михайловича Потапова. Его агент в Париже сообщил, что французской военной разведке стало известно о предстоящем немецком наступлении на Западном фронте. Сие означало, что кураторы Бориса Савинкова будут торопить его с проведением акции, которая должна закончиться ликвидацией руководства Советской России. А потому тянуть с реализацией нашей операции по раскрытию эсеровского подполья нельзя. Мятеж может начаться в любой момент. Конечно, мы предупреждены, и полностью осуществить свой замысел Савинкову вряд ли удастся. Но дров наломать его боевики могут, и немало.

Обо всем этом я и доложил Феликсу Эдмундовичу. Не скажу, что моя информация его обрадовала. Ведь мы изначально планировали провести изящную и масштабную операцию, что-то вроде операции «Трест». С помощью Марии Спиридоновой и Александровича, которого решили использовать «втемную» (из-за его истеричности и несдержанности представлялось опасным открывать ему все карты), мы хотели вытянуть из Франции деньги, оружие и адреса агентов французской разведки, которые до настоящего времени были «законсервированы». Словом, имитировать активную деятельность, готовить «захват Таврического дворца», а потом арестовать сразу всех заговорщиков. Но похоже, что операцию придется завершать досрочно. Тут, что называется, не до жиру...

С помощью Марии Спиридоновой, которая стала правой рукой Савинкова, нам удалось установить многих деятелей правоэсеровской партии, ушедших в подполье. Кроме того, мы узнали места хранения оружия, боеприпасов и взрывчатки. Выявили мы и источники финансирования готовившегося мятежа. Это были и богатые промышленники, очень недовольные порядками, которые установили рабочие комиссии на их заводах и фабриках, и банкиры, после национализации их банков сумевшие припрятать крупные суммы денег, и даже некоторые зарубежные посольства. Кстати, после того, как заговор будет ликвидирован, по линии Наркомата иностранных дел кое-кому из дипломатов следует предложить покинуть территорию Советской России.

Вся полученная информация и данные прослушки (Мария Спиридонова оказалась хорошей ученицей, и весьма умело разместила «жучки» в нужных местах, где заговорщики устраивали свои собрания) – словом, все, что становилось нам известно, обобщалось в ведомстве Феликса Эдмундовича и тщательно анализировалось. Иной раз Дзержинский не выдерживал и вполголоса ругался: «Пся крев!». Ведь многие из тех, кто оказался в списках заговорщиков, были его старыми знакомыми. С кем-то он был в ссылке, с кем-то встречался в тюремных пересылках. Кое-кто просто сочувствовал революции, и Дзержинский не мог бы даже предпо-

ложить, что такие приятные и доброжелательные люди окажутся в одной компании с террористами.

– Что ж это такое делается, Александр Васильевич?! – недоумевал «Железный Феликс». – Неужели наша власть настолько ненавистна этим людям, что они не видят для себя другого выхода, как восстать против нее с оружием в руках?! Ведь они должны понимать, что в случае победы таких, как Савинков, мы будем уничтожены?!

– Эх, Феликс Эдмундович... – Я лишь тяжело вздохнул, вспомнив наших «творческих работников», обожавших с придыханием рассуждать о «слезинке ребенка», а в октябре 1993 года призывавших с экранов телевизоров «стрелять и убивать» людей, в большинстве своем безоружных. – Один наш писатель сказал: «Стоит интеллигенту переступить некую внутреннюю черту – и бандиту рядом с ним становится нечего делать!»*

Примечание авторов: *Евгений Лукин «Алая аура протопарторга».

– Да, Александр Васильевич, – Дзержинский покачал головой, – наверное, вы правы. Так что же мы решим по поводу Бориса Савинкова?

– Необходимо брать его и его банду, – твердо сказал я. – Медлить нельзя. Рисковать мы не имеем права. И еще – учитывая скверную привычку эсеров к индивидуальному террору, следует усилить охрану товарищей Сталина, Ленина и Ларионова. Да и вам, Феликс Эдмундович, стоит поостеречься.

– А, пустяки, – отмахнулся Дзержинский. – Не посмеют!

Я вздохнул, но промолчал. О личной храбрости «Железного Феликса» мне уже приходилось слышать. Как в нашей истории, так и в этой. Не знаю, был это обычный фатализм или врожденное хладнокровие – но напугать Дзержинского было трудно, почти невозможно.

– Скажите, Александр Васильевич, – мне показалось, что Феликс Эдмундович хочет сменить не совсем приятную для него тему разговора, – а как бы вы провели эту самую ликвидацию заговора?

Я уже вчерне набросал для себя план проведения задержания как самого Савинкова, так и всей его банды. Учитывая количество участников заговора, для проведения спецоперации потребуется немалое количество людей. Не исключая того, что в аппарате НКВД могут оказаться еще не выявленные сочувствующие правым эсерам, надо хранить в тайне подготовку к массовым арестам. Все инструкции и списки заговорщиков с адресами, по которым они могут находиться, следует раздать старшим опергрупп в самый последний момент.

Особо надо подготовиться к задержанию главы заговора – Бориса Савинкова. Лично «Великий террорист» вряд ли представляет большую опасность (по отзывам людей, хорошо знающих его, он трусоват, и не станет отстреливаться из двух наганов) но у него может быть охрана из числа эсеровской боевки. А эти люди действительно могут быть чрезвычайно опасными.

– Феликс Эдмундович, а известно ли местонахождение Савинкова? – спросил я. – Где он сейчас находится?

Дзержинский усмехнулся:

– Вы не поверите, товарищ Тамбовцев, но он сейчас обосновался в квартире дома 83 по Сергиевской улице. Вы помните, кто там живет?

Я кивнул. В квартире сей, снимаемой «сладкой парочкой» – Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус – собиралась «тусовка» тогдашней питерской интеллигенции. Разговоры при этом велись самые что ни есть провокационные. Я догадывался, что рано или поздно Савинков появится в этом адресе, ведь его тщеславие требовало, чтобы люди из его круга восхищались им, а он, распушив перья, как павлин, гордо ходил среди богемы – мрачный, опасный и ужасно таинственный. Впрочем, с хозяевами и их гостями он вряд ли слишком откровенничал, прекрасно зная, чего они стоят; он не сомневался, что все, рассказанное им, тут же станет известно всему городу.

– А ведь, Феликс Эдмундович, появление его там не случайно, – сказал я. – Он там оказался совсем не для того, чтобы вспомнить веселые деньки, проведенные вместе в Париже. У Савинкова там штаб-квартира. Ведь от Сергиевской до Таврического дворца рукой подать. Думаю, что туда сходятся все нити заговора. Поэтому братья Савинкова нужно самым доверенным людям. Если его спугнуть, то потом хлопот не оберешься. Если вы, товарищ Дзержинский, не против, всю эту шайку-лейку отправлюсь брать я с нашей спецгруппой. Тряхну стариной – ведь я не всю жизнь был журналистом. А ребята наши опытные, полковник Бережной оставил для таких случаев троих лучших своих «мышек».

«Железный Феликс» покачал головой. А потом, немного подумав, произнес:

– Александр Васильевич, я согласен, но лишь в том случае, если в составе этой, как вы говорите, спецгруппы, буду находиться и я. Уж очень мне хочется увидеть своего старого знакомого по Варшаве. Ведь я знал его, и даже уважал. А теперь он мой враг. И за то, что он собирается поднять мятеж против нашей народной власти, приговор для него может быть лишь один – расстрел...

19 июня 1918 года. Полдень. Петроград. Сергиевская улица, дом 83, квартира Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус

В последние, наполненные подготовкой к выступлению дни, Борис Викторович Савинков и другие руководители организованного им Союза Защиты Родины и Свободы поселились в большой квартире Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус. Именно сюда сходились все нити заговора, именно здесь Савинков встречался с Марией Спиридоновой, Вячеславом Александровичем и еще одним загадочным господином с эскадры адмирала Ларионова, которого поздним вечером привела с собой Мария Спиридонова. Очевидно, разговор с этим человеком убедил Савинкова в успехе задуманного. И даже более того – ему он вскружил голову обещанием содействия якобы сочувствующих ему матросов и офицеров эскадры, представляющей собой силу запредельной мощи. Если один раз эта сила, поднатужившись, сумела подсадить к вершине власти Сталина и его камарилью, то почему теперь то же самое она не сможет сделать ради него, Савинкова, величайшего революционера всех времен и народов?

Вообще-то Савинков встречался с капитаном 3-го ранга Алексеем Гусевым, начальником особого отдела ракетного крейсера «Москва», по прозвищу «папа Мюллер». У Алексея Николаевича, конечно, было немало достоинств, но в их числе отсутствовала любовь к погибающей русской демократии, а также борьба за завоевания революции, о которых так любил потрепаться перед своими соратниками Савинков. А если бы капитана 3-го ранга попросили честно и откровенно высказаться о самом Савинкове, то от произнесенной тирады, наверное, завяли бы уши даже у боцмана-сверхсрочника. Но наивный Борис Викторович всего этого не знал, и с превеликим удовольствием позволял развешивать на своих ушах длинную лапшу.

А время шло, и Бориса Викторовича торопили сразу с двух сторон. С одной стороны его понукали встревоженные французы, обнаружившие на фронте почти готовую к наступлению германскую группу армий «Принц Леопольд». С другой стороны, избранный в марте Верховный Совет Советской России на своем заседании уже принял новую Конституцию, и теперь уже тридцатого июня, в воскресенье, эта новая конституция выносилась на всенародный плебисцит, ответ которого с вероятностью девяносто процентов будет положительным.

Савинков понимал, что если Сталин и компания сумеют завершить легитимацию своего режима, то тогда даже частный успех в столице не гарантирует ему успешной роли «Спасителя Отечества» и «Демократического Диктатора». Для того, чтобы к центру города подошли матросы из Кронштадта и Красная Гвардия с окраин, потребуются не более двух-трех часов – и тогда восстание, ударный костяк которого составляли лишь несколько сотен офицеров-фронтников, будет утоплено в крови. Поэтому выступить следовало раньше тридцатого числа, и вместе с членами большевистского правительства при начале восстания также было необхо-

димо поголовно уничтожить депутатов этого самого Верховного Совета, а также окопавшееся в Гатчине семейство Романовых – да так, чтобы свалить это деяние на большевиков. На этом особо настаивали французы – очевидно, у них на этот счет был какой-то свой, особенный резон.

Помимо Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус и проживающего у них Дмитрия Философова, а также самого Бориса Савинкова, с которого восторженная Гиппиус была готова сдувать пылинки, на квартире постоянно находились секретарь и любовница Савинкова Любовь Дикгоф (Эмма Сторэ), ее муж барон Александр Дикгоф, готовившийся стать при будущем «Демократическом Диктаторе» кем-то вроде министра иностранных дел. Еще там постоянно присутствовали начальник штаба будущего восстания полковник Александр Перхуров, казначей организации Флегонт Клепиков, а также два полковника-латыша, один из которых, Карл Гоппер, занимался в савинковской организации кадрами, а второй, Фридрих Бреедис, отвечал за разведку и контрразведку. Короче, квартира была переполнена, и только то, что Мережковский и Гиппиус регулярно принимали в своей квартире множество самых разных людей, спасало от провала Савинкова и его приближенных.

Но это впечатление было обманчивым – наблюдение за «нехорошей» квартирой велось настолько плотно, насколько это вообще было возможно в начале XX века, с частичным использованием средств века XXI-го. И хоть пока ничего не предвещало для заговорщиков беды, но их уже измерили, взвесили и признали годными для того, чтобы брать. Поэтому люди, которым предстояло принять участие в этом торжественном финале, уже подтягивались к дому № 83 по Сергиевской улице через проходные дворы (которых было много в этом районе Петрограда), чтобы раньше времени не спугнуть издерганного нехорошими предчувствиями Савинкова. Вроде все было готово к перевороту, но сил было явно недостаточно, а находившиеся в его распоряжении около восьмисот уволившихся из армии после Рижского мира офицеров были разрознены, плохо вооружены, и обладали крайне низким боевым духом.

Лозунг войны до победного конца, под которым официально выступал возглавляемый Савинковым СЗРиС, был плохой идеей для продвижения его в массы, тем более что пригодных для этого масс находилось не так уж и много. Армия не была распущена, погоны никто не спешил отменять, юнкерам школ прапорщиков, которые пробилась в военные училища своим потом и кровью, дали доучиться – и кого отправили в запас уже в офицерском звании, а кого зачислили в кадры новой армии, или даже Красной Гвардии.

Многие из тех, кто в нашей истории примкнул к контрреволюционерам, на этот раз сражались на окраинах бывшей Российской империи совсем на другой стороне. Так, например, кавалер четырех георгиевских крестов штаб-ротмистр Виленкин, в нашей истории бывший начальником кавалерийского отделения СЗРиС, в данный момент в составе конно-механизированной Бригады Красной Гвардии рубился с британскими наемниками в районе Басры. Где-то вместе с генералом Деникиным на Кавказском фронте воевал полковник Страдецкий, который в нашем прошлом отвечал в Союзе за связь с Добровольческой армией. Многие и многие из тех, кто в нашей истории пошел против Ленина и Троцкого, в новом варианте отнюдь не желали выступать против Сталина и его окружения.

Поэтому выступление Савинкова были готовы поддержать только несколько сотен офицеров. Полковник Гопплер и сам не знал точно, сколько именно из них поддерживают Союз только на словах, а сколько в решающий час выйдет на улицы с оружием в руках. Но величайший авантюрист в истории русской революции считал, что находится на подъеме, и лишь мгновение отделяет его от момента, когда он вскочит в седло вороного коня,* и под бой колоколов торжественно въедет в Зимний Дворец.

Примечание авторов: * В нашей истории «Конь вороной» – это в значительной степени автобиографическая книга Савинкова, посвященная итогам гражданской войны.

В данный момент прикомандированные к НКВД бойцы спецназа ГРУ на крыше дома 83 по Сергиевской, прямо над квартирой Мережковских, готовились спуститься на тросах вниз, на тот самый балкончик, с которого год назад «изогнувшаяся гусеницей Зинка выкрикивала проклятия революционным матросам» (Бродский), и мышеловка была уже готова хлопнуться. Савинков же в это время был занят тем, что, надувшись как петух, нашедший жемчужное зерно в навозной куче, проповедовал своим немногочисленным сторонникам «Евангелие от Бориса». Зинаида Гиппиус, которая, несмотря на свои сорок девять лет, находилась в самом расцвете бесплодной красоты, и двадцатидвухлетняя Любовь (Эмма) Дикгоф, одесситка по происхождению и парижанка по воспитанию, составлявшие женскую часть компании, были в восторге от своего кумира. Для Гиппиус Савинков был ее литературным протезе и политическим вождем, а Любовь Дикгоф была влюблена в него как кошка, и не мыслила жизни без Савинкова.

Но там, наверху, все уже было готово, и старший штурмовой группы несколько раз щелкнул ногтем указательного пальца по микрофону рации, после чего две остальные группы (у черного и у парадного входа) натянули на лица маски и надвинули на глаза защитные очки, изготовившись к штурму.

Раз, два, три – и первая тройка спецназовцев, спрыгнув с крыши на тросах, оказалась на балкончике. Звон разбитого стекла, крик «Бойся!» – и цилиндрик светошумовой гранаты «Заря» влетел в заполненное людьми помещение. Выпученные от удивления глаза Савинкова – и затопившая все бело-фиолетовая вспышка, по выражению барона Дикгофа, «будто полпуда магния разом». Спецназовцы, высадив балконную дверь, уже ввалились в комнату, когда грохнули еще два глухих взрыва, выбивших двери парадного и черного хода, и внутрь вбежали люди в полной боевой экипировке спецназа ГРУ, тут же начав лихо укладывать всех присутствующих мордой в пол, с руками, завернутыми за спину.

Савинковцы не успели оказать сопротивления. Они были скручены, обезоружены и аккуратно рассортированы. Сочувствующие поэты – налево, а эсеровские боевики – направо. Это вам не чекисты в кожанках с наганами и маузерами, которые тоже, впрочем, давали сто очков вперед беззубой царской охранке. Сам Савинков, приходя в себя после вспышки светошумовой гранаты, только скрипел зубами и мысленно матерился. Несомненно, его почтили своим посещением настоящие хозяева Советской России, о которых в последней беседе ему намекал месье Шарль. Против подобных монстров у фронтовых офицеров с наганом или браунингом в кармане не было ни единого шанса.

Последними в квартиру Мережковского и Гиппиус вошли двое – очевидно, командовавшие всей этой операцией. Об этом можно было судить по тому, что страшные монстры козыряли им и выказывали прочие знаки уважения.

Один из них, высокий и худой, с бородкой-эспаньолкой и в мятой солдатской фуражке, вдруг принохался и сморщил нос.

– Александр Васильевич, – сказал он, – а чем это у них так пахнет?

– А это, Феликс Эдмундович, – ответил ему второй, ростом поменьше и тоже с бородкой, только с аккуратной седой, – типичный запах нашей интеллигенции. Помните, что говорил о ней и с чем сравнивал Владимир Ильич? К тому же у светошумовой гранаты «Заря» имеется побочный эффект, хотя в качестве средства от запоров я бы его не стал рекомендовать.

– Вы... вы... вы... – придушенно зашипела уткнувшаяся лицом в загаженный ковер Зинаида Гиппиус; тело ее вздрагивало в конвульсиях ненависти, – вы гады, сволочи, сатрапы, палачи, хамы! Вы еще нам за все ответите...

Седобородый иронически посмотрел на задыхающуюся от злости поэтессу.

– Обгадились, Зинаида Николаевна? – спросил он. – Ничего, от неожиданности бывает и не такое. Занимались бы вы своей литературой, пописывали бы стишки, печатались бы в оппозиционной прессе – никто бы вас не тронул. А вы вот, понимаешь, в заговор решили влезть, раз

выборы вдребезги проиграли. Никакая вы, господа, не оппозиция. Оппозиция в парламентах сидит и в газетах выступает. Вы теперь мятежники и враги советской власти, и поступят с вами по всей строгости нашего закона. Впрочем, дальнейшие беседы с вами мы будем вести уже в другом месте. А пока позволим следователям, прибывшим вместе с товарищем Дзержинским, обыскать это гнездо порока, чтобы все тайное стало явным...

**20 июня 1918 года. Петроград. Таврический дворец. Кабинет главы НКВД.
Тамбовцев Александр Васильевич**

Итак, Борис Викторович наконец-то оказался там, куда он так страстно стремился... Только в Таврическом дворце он не в качестве триумфатора, сокрушившего злодеев-большевиков, а в качестве пленного – с помятой рожей и слезящимися глазами. Да, от яркой вспышки светошумовой гранаты еще долго придется «наводить резкость». Да и по перепонкам, поди, неслабо ударило: в ходе нашей беседы Савинков не всегда хорошо слышал заданные ему вопросы, и мне порой приходилось буквально орать ему в ухо.

А ведь прошли всего сутки с момента его задержания. Всех участников заговора на Сергиевской привели в порядок (обгадившимся дали возможность подмыться и переодеться), после чего всю их банду привезли в Таврический дворец, где следователи НКВД провели первый блиц-допрос. Правда, самого Савинкова решили пока не трогать. Пусть он пораскинет мозгами и прикинет, какую тактику поведения во время следствия ему выбрать. Только все равно ему с нами тягаться будет трудно – показаний и улик, изобличающих его в подготовке контрреволюционного мятежа, навалом. И приговор может быть только один – высшая мера социальной защиты. А умирать «великому террористу» явно не хочется.

Я вместе с Феликсом Эдмундовичем присутствовал на допросах задержанных по делу Савинкова. Любопытно было наблюдать, как «творческая интеллигенция», еще вчера заходившаяся в истерике, клеймящая в праведном гневе «узурпаторов» и «предателей революции», сегодня прилежно строчит чистосердечные признания. «Несгибаемые борцы за народную свободу» сдавали с потрохами своих соратников, подробно расписывая, кто чего делал и говорил. В основном всех собак они вешали на своего кумира Савинкова. Дескать, он, змей-искуситель, сбил их с пути истинного, чуть ли не силком заставив вступить в Союз Защиты Родины и Свободы. Уж как только они при этом не отбивались и отнекивались... В конце чистосердечного признания практически все давали покаянные клятвы быть белыми и пушистыми, никогда-никогда больше не вредить советской власти и, если надо, отдать за нее жизнь.

Боже мой, как все это было похоже на поведение представителей нашей советской интеллигенции, которые в 30-х строчили друг на друга доносы в НКВД, а в 60-х (а потом и в 90-х) на своих сходняках вдохновенно рассказывали, как они всю жизнь боролись с «кровавым режимом», и от ненависти к нему «просто кюшать не могли». Меняются времена, но подонки остаются все теми же.

Впрочем, вся эта богема нас мало интересовала. Среди задержанных на Сергиевской были люди менее публичные, но более опасные. Вот с ними предстояло работать вдумчиво, серьезно, вытягивая из них сведения о зарубежных хозяевах.

Взять, к примеру, полковника Перхурова. Он бросил свой артиллерийский дивизион в Румынии, не пожелав служить под началом большевиков, и укатил в Петроград. Здесь его подобрали и пригнали люди, связанные с французскими спецслужбами. А потом прибывший из Парижа Савинков пристроил полковника в свой Союз в качестве начальника штаба. Полковник Карл Гопшер и подполковник Фриц Бредис пытались изобразить себя туповатыми и недалекими служаками, которых, дескать, нехорошие люди обманом втянули в какую-то структуру, цели и задачи которой они так и не поняли. Но мы-то знали, кем потом стали эти латыши... Ими мы, однако, займемся чуть позже.

Пока же наиболее интересные и ценные показания дал убийца Георгия Гапона барон Александр Аркадьевич Дикгоф-Деренталь. Это был человек, «особо приближенный к императору», то бишь к Борису Викторовичу, с которым он делил все невзгоды и радости, в том числе и собственную жену.

После эмиграции во Францию в 1906 году он подвизался в качестве военного корреспондента, побывав на Балканах во время Балканских войн. А после начала 1-й мировой войны барон поступил добровольцем во Французскую армию. Именно тогда он и начал работать на Второе бюро Генштаба. Интересно, если бы из Парижа поступила соответствующая команда, не обошелся бы милейший Александр Аркадьевич с любовником жены так же, как с бедным Гапоном? В ходе беседы-допроса барон довольно быстро «поплыл», и мы с Феликсом Эдмундовичем решили попытаться перевербовать его и устроить ему «побег» из застенков НКВД. Но для начала предстояло допросить Савинкова.

Борис Викторович хмуро смотрел на меня: видимо, он догадывался, что попал в руки людей, о которых предупреждал его в Париже месье Шарль – это они фактически привели к власти большевиков и разгромили германцев и англичан. Савинков был умным человеком и быстро сообразил, что мы не похожи на его старых друзей (а ныне врагов), вроде Дзержинского.

– Кхе-кхе... – прокашлялся он после затянувшейся паузы, – я хотел бы знать, с кем я имею честь беседовать. И как вас звать-величать?

– Я, можно сказать, ваш коллега, журналист...

Савинков, услышав последнее сказанное мною слово, сардонически ухмыльнулся.

– Зовут меня Александр Васильевич Тамбовцев, – продолжил я, – и возглавляю я ИТАР – Информационное телеграфное агентство России. Ну, это что-то вроде советского варианта «Гавас» * – вы имели возможность познакомиться с ним во Франции.

Примечание авторов: * «Гавас» – французское информационное агентство, получившее название по имени банкира, переводчика и журналиста Шарля-Луи Гаваса, создавшего в 1835 году первое в мире информационное агентство. «Гавас» просуществовало до 1940 года, когда было закрыто правительством Виши. В 1944 на базе «Гаваса» было создано информационное агентство «Франс-Пресс».

Савинков непроизвольно потер слезящиеся глаза и пристально посмотрел на меня.

– Знаете, Александр Васильевич, я вам не верю, – наконец произнес он. – Что-то вы мало похожи на газетчика. А вот жандарм из вас получился бы превосходный!

– Ну, одно другому не мешает, – улыбнулся я. – Владимир Иванович Даль, к примеру, возглавлял канцелярию министра внутренних дел России Перовского. Но давайте оставим в покое мою скромную персону и поговорим о вас, Борис Викторович. Скажите, на что вы надеялись, приняв предложение французских спецслужб? Неужели вы всерьез рассчитывали, что вам удастся свергнуть власть большевиков?

– Сталин и его подручные захватили власть в России силой, – сказал Савинков, – почему другая сила не могла бы свергнуть их власть? А что касается французов, так что же им остается делать, когда союзник по Антанте так подло предал их и заключил сепаратный мир с тевтонами?

– Борис Викторович, вы взрослый человек, – не стал я вступать в полемику с Савинковым, – и должны понять, что французам Россия была нужна как поставщик того, что англичане называют: «food for powder», то есть «пищей для пороха», а мы – пушечным мясом. Русские солдаты должны были класть свои головы для того, чтобы отработать царские займы. Впрочем, для вас чужие жизни всегда были таким пустяком, о котором и говорить неприлично. Вы должны понимать, что вас ждет в самом ближайшем будущем. Ничего утешительного для вас я сказать не могу. Подготовка вооруженного мятежа в любой стране карается виселицей, расстрелом или гильотиной. Для вас не будет особого исключения. Собранных доказательств вполне достаточно, чтобы вас повесить или поставить к стенке. Вам это понятно?

Савинков побледнел. Он, конечно, внутренне был готов к тому, что за все им содеянное можно лишиться жизни, но услышав это от меня, растерялся. Жить ему хотелось. Я вспомнил об операции «Синдикат-2», когда он, оказавшись на территории СССР, был арестован ОГПУ. На допросах он напирал на то, что «всю жизнь работал только для народа и во имя его», а на открытом судебном процессе публично раскаялся в своих преступлениях и признал «всю свою политическую деятельность с момента Октябрьского переворота ошибкой и заблуждением».

– Вы страшный человек, Александр Васильевич, – наконец произнес он, облизнув пересохшие губы, – скажите, кто вы и откуда? Вы – словно гость из бездны, который сейчас требует продать мою бессмертную душу.

– Ну, с нечистым делом мне иметь не приходилось, – улыбнулся я, – а насчет моего нездешнего происхождения вы правы. Впрочем, давайте вернемся к нашим баранам. Борис Викторович, вы предпочтете продолжить со мной беседу или собственноручно изложите все относящееся к вашему сотрудничеству с французскими спецслужбами? И не только с французскими. Поверьте, сделав это, вы получите шанс, что суд учтет сей факт при вынесении вам приговора. Словом, выбор за вами...

Он немного помолчал, потом помассировал свой большой, с залысинами, лоб и сказал:

– Хорошо, я готов. Прошу дать мне перо и бумагу. Я напишу все, что мне известно...

22 июня 1918 года. Утро. Западный фронт недалеко от Камбре. Группа армий «Принц Леопольд».

Лишь только стрелки часов старших офицеров показали четыре утра, как тишину раннего утра разорвал грохот тысяч германских крупнокалиберных орудий и бомбометов. Не имея возможности создать две ударных артиллерийских группировки прорыва, генерал Эрих фон Фалькенхайн нашел весьма оригинальное решение. Группировка была одна, и собирали ее со всего фронта противостояния с армиями Антанты. Но как только закончится первая фаза сражения и фронт будет прорван, большая часть этих орудий погрузят на железнодорожные платформы и перебросят в район Реймского выступа, где эти же пушки примут участие во второй фазе наступательной операции.

Пока же тысячи орудий, включая гигантские осадные мортиры «Большая Берта» калибром в сорок два сантиметра и с весом снаряда от девятисот шестидесяти до тысячи двухсот килограмм, долбили линии британских и французских укреплений. Самая ожесточенная канонада гремела под обороняемым Первой британской армией Аррасом. Именно там были сосредоточены все девять «Больших Берт» и большая часть осадных орудий калибром в двадцать четыре, двадцать один и семнадцать сантиметров. Аррас сам по себе был важным железнодорожным узлом и ключевым пунктом британской обороны. А еще он был точкой отвлечения вражеского командования, решившего, что уж если германцы применили тут особо мощные орудия, то вот оно, направление главного удара, новый Верден.

И это действительно был новый Верден. К Аррасу под снаряды сверхмощных орудий потянулись британские резервы: молодые британские, канадские, австралийские и новозеландские парни, которым суждено стать «пушечным мясом». Да и на других участках фронта артподготовка была для Первой мировой войны непродолжительной – всего пять часов вместо обычных нескольких суток. Зато она была мощной, потому что на восьмидесятикилометровом фронте стреляло примерно восемь тысяч стволов калибром десять и пятнадцать сантиметров, не считая специальных осадных орудий, сосредоточенных исключительно под Аррасом. А дальше, как говорил Жуков, при ста орудиях на километр фронта о противнике не докладывают, докладывают о темпах продвижения вперед и запрашивают новые задачи.

Когда ровно в девять часов под Камбре и Сен-Кантемом ударная артиллерийская группировка наконец прекратила огонь, и в атаку поднялись германские штурмовые группы, скрытно вышедшие на исходные позиции под прикрытием артподготовки, то в районе Арраса артил-

лерия продолжала обрабатывать передний край противника с неослабевающей силой, словно германское командование решило разбить этот город, превратить его в пыль, стереть с лица Земли. Иногда огонь орудий переносился в глубину вражеской обороны, и тогда штурмовые группы в касках, железных нагрудниках и вооруженные ручными пулеметами, огнеметами и пистолетами-пулеметами Бергмана захватывали тот или иной участок разрушенной обороны англичан.

А в небе над Аррасом свирепствовала германская авиация, на какое-то время полностью захватив господство в воздухе. Германское командование перебросило на этот участок фронта не только «летающий цирк» барона Рихтгофена, но и другие авиационные части – и теперь они бомбили и обстреливали из пулеметов английские ближние тылы, вели разведку и препятствовали авиации Антанты делать то же самое. Впрочем, уже к полудню препятствовать было некому, так как большая часть британских, канадских и новозеландских летчиков оказалась сброшена с небес, и германские самолеты чувствовали себя над Аррасом и его окрестностями как дома.

Обманутое ожесточенностью сражения, мощью применяемых орудий, а также мерами, которые германское командование предприняло для дезинформации противников, англичане и французы действительно решили, что основной удар наносится под Аррасом, а наступательные действия под Камбре и Сен-Кантенем – лишь отвлекающие маневры.

В других же местах, как только германские штурмовые группы стремительным рывком преодолели расстояние до вражеских окопов и внезапно свалились на головы ошалевшим от многочасовой артподготовки французским и английским пулеметчикам, из немецких окопов поднялись густые массы одетой в фельдграу пехоты и бегом рванулись в атаку. А следом за ними готовились заводить моторы панцеркампфвагены отдельных моторизованных рот, и седлали коней прусские, баварские и австрийские кавалеристы, собранные в два ударных подвижных кулака со всех уголков Центральных держав. Битва за Амьен или операция «Матильда» началась. Победитель должен был получить все.

Там же, около шести часов вечера.

Несколько часов ожесточенного сражения, перешедшего в кровопролитную резню – и под Аррасом наступающие немецкие части продвинулись на три-пять километров и полукольцом охватили город, перерезав ведущую к нему железную дорогу в районе селенья Аньи. Англичане сражались как львы, но немцы, имея трехкратный численный перевес и подавляющее превосходство в артиллерии и авиации, были сильнее и продолжали давить на противника по всему фронту, создавая угрозу полного окружения Арраса, а вместе с ним и большей части сил потерявшей управление 1-й британской армии.

Под Камбре и Сен-Кантенем все было совсем по-иному. Там германским штурмовым частям и пехоте в течение первого дня операции в нескольких местах удалось продвинуться на шесть-восемь километров, полностью прорвав фронт. Раньше обычно на этом дело и кончалось, потому что германская пехота не могла наступать быстрее, чем перебрасываются по железной дороге резервы войск Антанты. Но теперь в прорывы на вспомогательном направлении под Сен-Кантенем буквально ворвались несколько кавалерийских и «быстроходных» пехотных соединений, посаженных на грузовики, имеющие задачу в течение ночи с двадцать второго на двадцать третье форсированным маршем выйти на рубеж реки Соммы и занять по нему оборону с захватом плацдармов на противоположном берегу. Примерно к полуночи эта задача была выполнена, после чего германская пехота, отпустив автотранспорт, принялась окапываться на плацдармах, а кавалерия (в основном выведенные с Восточного фронта венгерские гусары) углубилась еще на десять-пятнадцать километров с целью внесения сумятицы в умы генералов Антанты и ошпыливания французских крестьян на предмет «курка, млеко, яйки, девки».

Под Камбре к кавалеристам присоединились новейшие танкеркампфвагены, причем возглавили колонну трофейные британские «ромбы», захваченные германской армией во время недавних боев под Реймсом. Грохочущие и лязгающие гусеницами машины были отремонтированы и подкрашены в традиционные цвета британской армии. При этом германские рабочие последними словами крыли буйную англосаксонскую техническую фантазию. Но танки Mk II и Mk III были нужны немцам только для обмана противника.

Во главе введенной в прорыв под Камбре германской конно-механизированной колонны двигались английские танки-перевертыши, на броне которых восседали немецкие солдаты, одетые в английскую военную форму и знающие английский язык. Что там дальше, кто же его разберет: ночь, темно и не видать ни зги.

Таким образом, командование Антанты оставалось в полном неведении относительно происходящего, пока на рассвете двадцать третьего июня германские танкеркампфвагены и кавалерия внезапным ударом не ворвались в Амьен, захватив центр города, мосты через Сомму и собственно железнодорожный узел, забитый эшелонами с военным имуществом. А позади них, бегом, как в августе четырнадцатого, следовала германская пехота, спеша занять захваченную территорию. Англо-французское же командование поняло, что приближается катастрофа. Между английскими и французскими частями врезался германский клин, становясь с каждым часом все шире и прочнее. Английское и французское командование сразу же забыло о сражающемся в полуокружении Аррасе, бросая все доступные резервы под Амьен, окончательная потеря которого грозила развалом единого фронта Антанты.

26 июня 1918 года. Великобритания. Лондон. Даунинг-стрит 10. Резиденция премьер-министра Великобритании.

Присутствуют:

Британский премьер Уинстон Черчилль

Глава военного кабинета лорд Альфред Милнер

Министр иностранных дел лорд Артур Бальфур

Став премьер-министром, Уинстон Черчилль оставил на своих местах почти всех ключевых министров, ибо смена коней на переправе не сулила ничего хорошего. А обстановка в мире была для Британии препоганой. Враждебность Советской России по отношению к Соединенному Королевству нарастала, советское правительство в Петрограде увеличивало поддержку Германской империи, посылая ей эшелоны с продовольствием и сырьем и получая взамен бытовые товары (которых, кстати, не хватало самим немцам), а также промышленные машины и оборудование, в том числе и для достройки на петроградских верфях четырех линейных крейсеров типа «Измаил».

Поговаривали даже, что, когда они будут готовы, Флот Открытого моря выкупит их или возьмет в аренду. Если вспомнить рейд адмирала Хиппера в самое сердце Атлантики, стоивший Англии огромных потерь, то увеличение германского флота на четыре быстроходных линейных крейсера, каждый из которых несет двенадцать четырнадцатидюймовых орудий, должно было привести британский королевский флот к катастрофе*.

Примечание автора: * *Все это была чистойшей «деза», организованная русской военной разведкой: никто и никому ничего продавать или сдавать в аренду не собирался. Просто было приятно посмотреть, как джентльмены пугаются до икоты и тратят невозполнимые ресурсы для устранения несуществующей опасности.*

На сухопутном фронте обстановка для Британии тоже была крайне неблагоприятной. Внезапный прорыв германской армии на Амьен с одновременным отвлекающим ударом на Аррас привел Западный фронт к катастрофе. Вчера вечером, после четырех суток кровопролитных боев с применением артиллерии особо крупных калибров и саперно-штурмовых групп, вооруженных ручными пулеметами, огнеметами и гранатами, Аррас был взят, и гер-

манское командование получило под свой контроль железную дорогу до самого Амьена. Это означало, что немцы теперь имеют возможность полноценного снабжения своих войск на вершине выступа, ожесточенно сражающихся с яростно нападающими с трех сторон английскими и французскими частями.

Клин, вбитый германцами в англо-французский фронт, отделял британскую армию от французской, перерезав соединяющие их железнодорожные магистрали. А всего в ста километрах от Амьена расположен порт Дьепп, и если же бои еще чуть напрягутся, то его захват ознаменует полную изоляцию английского контингента и полный распад единого фронта Антанты во Франции. Именно поэтому там, под Амьеном, одна за другой сгорали свежие, еще ни разу не бывшие в бою дивизии.

Немецкие гренадеры вцепились в Амьен, как нищий в своей последний пенс, и не желали отдавать его ни при каких условиях. Это была их минута славы. Еще долго слова «я был под Амьеном» будут вызывать в Германии благоговейное почтение к герою, до последней капли крови сражавшемуся за Фатерланд. Среди ста тысяч таких героев был один ефрейтор по имени Адольф, что по-древнегермански означало Счастливейший Волк. Фамилия же его была Гитлер. Эта битва будет стоить ему правой ноги, ампутированной по колено, и принесет второй Железный крест. А сделанные прямо в окопах карандашные зарисовки принесут ему славу восходящей звезды и в будущем – великого художника.

Но падение Арраса и укрепление германского фронта под Амьеном было не единственной неприятностью минувшей ночи. Воспользовавшись туманом, низкой облачностью и морозящим дождем, несколько германских цеппелинов нанесли по центру Лондона удар зажигательными бомбами, начиненными чем-то вроде сгущенной нефти, что вызвало множество пожаров. Досталось и Букингемскому дворцу (его тушили до утра), и Вестминстерскому аббатству, и многим другим правительственным зданиям, как, впрочем, и доходным домам и особнякам знати.

Хуже всего было то, что примененную немцами густую, как желе, смесь не удавалось погасить водой, от этого огонь разгорался только жарче. В окрестностях резиденции премьер-министра, по счастью, не упала ни одна бомба. Но, во-первых, раз на раз не приходится, а во-вторых, было вполне достаточно и того, что королевская семья спасалась от огня, прыгая в окна в одних ночных рубашках, ибо бомба попала близко к лестнице, ведущей из их покоев, так что этот путь для спасения был отрезан. Если германцы повадятся совершать такие налеты хотя бы раз в неделю, то положение Британии ухудшится до чрезвычайности.

Но наиболее скверное положение было все же под Амьеном. Используя численное превосходство и мощь осадной артиллерии, которую теперь можно было перебросить из-под Арраса, германцы имели полную возможность, удержав за собой Амьен, заставить Антанту растратить все накопленные для летнего наступления резервы*, после чего самим перейти в наступление в направлении Руан-Гавр, окончательно опрокидывая и разваливая левый фланг фронта Антанты. Для Британии это было бы равносильно катастрофе, ибо следующим шагом германского командования станет разгром ее Экспедиционной армии, которая после таких событий окажется прижатой к Каналу на узкой полоске морского побережья.

Примечание авторов: * дело в том, что если позиция не взята и фронт не прорван, то атакующие всегда несут вдвое-втрое большие потери, чем обороняющиеся, а уж во времена позиционного тупика и тем более. При переброске подкреплений на каждую германскую дивизию англо-французам требуется усиливать свои войска на две или три дивизии. И не атаковать они тоже не могут, ибо потерянный в силу внезапности и разгильдяйства Амьен надо возвращать любой ценой. А немцам достаточно только улучшать позиции, ибо все, что им нужно было взять, они уже взяли.

Вот если фронт прорван или, более того, произошла ликвидация окруженной группировки, когда пленным или убитым оказывается весь ее состав – тогда наступающие возмещают свои потери с процентами.

– Джентльмены, – мрачно произнес премьер Черчилль, пыхая сигарой, – положение, сложившееся на фронте во Франции, крайне тяжелое. Этот проклятый Амьен спутал нам все карты. Резервы тают как снег на весеннем солнце, но выбить германских гренадер из этого мерзкого французского городишка никак не получается. А если гунны подтянут туда свою осадную артиллерию, то нашим парням станет совсем грустно. Кстати, кто знает, когда это может произойти?

Лорд Альфред Милнер открыл свою записную книжку и, словно священник, читающий молитву над умирающим, произнес:

– Чтобы разметить позицию, нужен один день, еще неделя требуется, чтобы затвердел бетонный фундамент для установки Большой Берты, и сутки – на монтаж орудия. Итого – девять-десять дней на все. Но если они начали размечать позиции сразу после захвата Амьена, то этот срок вы запросто можете уменьшить на трое-четверо суток. Только я не стал бы придавать столь большого значения этим большим пушкам. Против полевых войск они эффективны, только когда сбиваются в плотные массы, как на параде. В противном случае они оказывают больше психологический, чем реальный эффект. Хуже всего то, что у нас не хватает сил проломить фронт и, взяв Амьен, освободить железную дорогу на Булонь, перерезанную гуннами. Теперь нам самим не помешали бы такие пушки. Но у нас их нет.

– Что значит нет, сэра Альфред? – спросил Черчилль.

– Это значит, сэра Уинстон, – ответил лорд Альфред Милнер, – что самым мощным орудием нашей армии являются четыре железнодорожных транспортера с четырнадцатидюймовыми морскими пушками, снаряд которых вдвое слабее Большой Берты. Мы их, разумеется, тоже подтягиваем к Амьену, как и двенадцатидюймовые наши и одиннадцатидюймовые французские мортиры. Но противник тоже не сидит сложа руки. Для контрбатареинной борьбы они в большом количестве используют железнодорожные батареи с дальнобойными морскими пушками, ранее предназначавшимися для вооружения недостроенных кораблей, а также бронепоезда с морскими пушками меньших калибров. Показательна установка ими устаревшей морской пушки калибра восемь-восемь на их новый танк, который после этого превратился в настоящий кошмар на поле боя. Но и это не самое страшное. А самое страшное, как мне кажется, в том, что французский главнокомандующий маршал Фош на данный момент не понимает всей серьезности сложившейся под Амьеном ситуации, продолжая держать значительную часть своих резервов под Парижем, в окрестностях так называемого Реймского выступа.

– Сэр Артур, – Черчилль повернулся к министру иностранных дел, – дайте знать вашим французским коллегам, что если Франция не приложит все усилия к тому, чтобы ликвидировать угрозу разделения нашего фронта, то катастрофа под Амьеном будет неизбежна. Если наши войска окажутся отрезанными от французской армии, то мы будем вынуждены выйти из войны с гуннами на суше. Наши армии отнюдь не бесконечны, и мы изнемогаем, бросая в мясорубку одну дивизию за другой. Пусть они до конца исполнят свой союзнический долг, или же, в противном случае, им придется сражаться с германцами в гордом одиночестве.

3 июля 1918 года. Утро. Западный фронт в районе Реймского выступа. Группа армий «Фон Белов».

Ранним утром третьего июля историческое сражение за Амьен было в самом разгаре, демонстрируя человечеству невиданные высоты мужества и героизма как ходивших в атаки «волнами цепей» англичан и французов, так и зарывшихся в развалинах Амьена германских гренадер. Противники часто сходились лицом к лицу, глаза в глаза, и тогда артиллерия с обеих сторон умолкала из боязни поразить своих. Среди закопченных руин в жестоких рукопашных

схватках в ход шло все: штыки винтовок, ножи, саперные лопатки, ручные и ружейные гранаты, пистолеты-пулеметы Бергмана и прославленные несостоявшейся тут гражданской войной маузеры, огнеметы, минометы. Солдаты убивали друг друга острыми траншейными кинжалами, кистенями, кастетами и дубинками, утыканными гвоздями.

Иногда одной из сторон удавалось заманить врага в засаду, и тогда мерно стрекочущие пулеметы словно косою укладывали людей, одетых в хаки или фельдграу. Чаще всего такое удавалось германцам, наносящим войскам Антанты страшные потери. Но иногда в этой кровавой кутерьме счастье улыбалось англичанам, а порой и французам. Труп падал на труп, резервы обеих сторон таяли, сгорая в этой страшной мясорубке. Уже было понятно, что первой не выдержит этого ужаса и сдастся все же Антанта, понесшая потери в два-три раза большие, чем ее противник.

Маршал Фош в конце концов поддался на требование Черчилля и бросил под Амьен все что мог, включая находившуюся в резерве 2-ю армию, а также части 5-й, 6-й и 10-й армий, оборонявших парижское направление. И теперь эти силы таяли в бесплодных атаках и контратаках. При этом предел стойкости германских гренадер еще не был достигнут, чего нельзя было сказать о наступательном порыве их противников, изнуренных и обескураженных зачистую необъяснимыми успехами немецкой армии.

И вот, за час до рассвета, переброшенная к Парижу германская артиллерийская группировка специального назначения (аналог артиллерийских полков РВГК), обложившись терриконами снарядов, открыла ураганный огонь по французским позициям, мешая с землей окопы, пулеметные гнезда и тела французских солдат и офицеров.

Эта артиллерийская канонада означала, что группа армий «Фон Белов» начала последнее наступление на Париж – то самое, про которое их любимый кайзер сказал: «Победа или смерть».

Ширина прорыва была вчетверо уже, чем при операции по прорыву на Амьен, и поэтому плотность артиллерийского огня получилась совершенно запредельная. Триста орудий на километр фронта, причем почти половина из них – пятнадцатисантиметрового калибра. При этом фронт на этом направлении двигался чуть меньше двух месяцев назад, а это значило, что ничего, кроме деревоземляных оборонительных сооружений, французы возвести просто не успели.

Всего два часа на позициях 6-й французской армии бушевал шквал огня и металла. Потом все стихло, и в атаку, как и под Амьеном, пошли штурмовые группы. Если бы они наткнулись на сопротивление, то взлетела бы черная ракета, штурмовики оттянулись назад и артподготовку повторили бы по тому же месту. Но во французских окопах оставались лишь контуженные, раненые и сошедшие с ума от страшного огня артиллерии. Сопротивление было эпизодическим. Штурмовым группам удалось взять первую траншею, где их и догнала пехота 1-й германской армии, наступавшей прямо на Париж. Еще один рывок – и немногочисленные уцелевшие французские солдаты и офицеры стали выпрыгивать из своих окопов и улепетывать в тыл от озверевших бошей, которые не боятся ни Бога, ни черта.

Уже к полудню все три основных линии обороны были прорваны, и у командующего 6-й французской армией не осталось резервов для того, чтобы хотя бы ненадолго затормозить продвижение германских гренадер. И если бы дело было только в гренадерах, которые не в состоянии продвигаться с боями более чем на пять-восемь километров в сутки, для французов это было бы не так страшно. Семьдесят километров до Парижа вылились бы в десять дней «прогрызания» французских позиций. За это время сумели бы очухаться Фош и Пуанкаре, а в Париже, на заводах и в предместьях, были бы сформированы маршевые батальоны – аналоги наших дивизий народного ополчения. Немецкий прорыв ценой огромных жертв был бы запечатан в тридцати или десяти километрах от окраин Парижа.

Но германская армия наступала не только гренадерами. Прорвав французскую оборону на всю глубину ее развертывания и продвинувшись вперед на восемь километров, немецкая пехота остановилась на ночной отдых. В этот момент в наступлении на Париж ее сменила до того двигавшаяся во втором эшелоне германская конно-механизированная дивизия. Одновременно на правом фланге прорыва по направлению на Компьен выдвинулись две кавалерийские дивизии и мобильная пехота 7-й армии, тем самым создав угрозу окружения 10-й французской армии и упреждая фланговый удар с ее стороны. После длительного затишья фронт снова пришел в движение, создавая для Антанты угрозу посильнее Амьенской.

Второй раз за десять дней немцы применили прием наступления к важной цели в ночное время, и снова он принес им успех. Немногочисленные французские подкрепления, рассыпью выдвигающиеся навстречу наползающему на Париж фронту, останавливались на ночевку в небольших городках, ложились спать в домах обывателей, и становились жертвой внезапного ночного нападения германских кавалеристов и бронеходчиков, прущих напролом прямо по шоссе.

При этом впереди основной группировки следовал сводный эскадрон пограничной стражи, переодетый в форму французской колониальной кавалерии. Его задачей было резать телеграфные и телефонные провода, а также делать, так, чтобы внезапное ночное наступление оказалось полным сюрпризом для французского командования.

В десять вечера в Дьюизи была захвачена полубатарей из трех полевых пушек калибром в семь с половиной сантиметров. В полночь прямо в постели были взяты в плен до роты пехоты, заночевавшей в Лизи-сюр-Урк. В два часа ночи немцы пленили эскадрон кавалерии и захватили бронепоезд с паровозом, стоявшим без паров на запасных путях в Мо. В четыре часа утра внезапной ночной атаке панцеров и кавалерии на своем полевом биваке подвергся сводный батальон пехоты парижского гарнизона и два пятнадцатисантиметровых орудия в Месси.

В Месси конно-механизированная дивизия, до того двигавшаяся компактной походной колонной, разделилась на четыре боевых группы и различными путями через восточное предместье Сен-Дени к рассвету 4-го июля ворвалась в сладко спящий Париж. Образовавшийся при этом переполох можно было сравнить только с тем хаосом, который возникает в курятнике при внезапном ночном визите лисы. Ага, не ждали! И порхающие повсюду перья пополам с заполошным куриным кудахтаньем.

Неудержимо мчащиеся по парижским улицам воняющие бензиновым угаром массивные серые коробки бронеходов с десантом штурмовиков на броне и следующие за ними верхами прусские драгуны ужаснули только что проснувшихся парижан. А следом за немецкими панцерами, как и в Амьенской операции, катили грузовики с пехотой, сбрасывая солдат в ключевых точках французской столицы и тут же поворачивая обратно за новыми «пассажирами».

Германская армия вошла в Париж, как опытный насильник в сонную подвыпившую домохозяйку. И, как положено порядочной женщине, та, вместо того, чтобы расслабиться и получить удовольствие, как это было в 1940 году, стала защищаться от насилия – сначала плохо и беспорядочно, а потом все более и более активно.

Пока разрозненные части гарнизона и сводные отряды полиции оказывали немецкой пехоте все более яростное сопротивление, стараясь не пустить немецких драгун и гренадер к Сене, город вооружался. Гудки фабрик и заводов призывали рабочих военных предприятий к оружию, а парижане среднего достатка, достав из ящика стола свои «бульдоги», «соважи» и «галаны», спешили туда, где по округам собирались и вооружались батальоны Национальной гвардии. Вспыхивающие то тут, то там уличные бои постепенно слились в одну сплошную линию фронта, очертившую оккупированную немцами треть Парижа от пока еще свободных двух его третей.

Сражение за Париж началось, и для маршала Фоша, застигнутого врасплох, оно стало ужасным сюрпризом.

10 июля 1918 года. Утро. Станция Даурия, железнодорожный вокзал. Штабной поезд корпуса Красной гвардии.

Генерал-лейтенант Красной Гвардии Бережной Вячеслав Николаевич

Целый месяц эшелоны корпуса двигались по революционному Транссибу, попутно защищая города и станции на этой важнейшей магистрали от окопавшихся в органах советской власти бандитов, жулья и антисоветского элемента. Благо мандат, выписанный товарищем Сталиным, еще во времена подавления киевских самостийщиков давал мне на то все права. По этому мандату я мог отстранить от должности, арестовать и передать под революционный трибунал любого, кто будет действовать против интересов советской власти и центрального правительства в Петрограде.

Это самое центральное правительство из Оренбурга, Уфы, Челябинска, Кургана, Петропавловска, Омска, Каинска, Красноярска, Нижнеудинска, Иркутска и Читы выглядело чем-то виртуальным. И свои местные дела губернские товарищи собирались решать абсолютно самостоятельно, не оглядываясь на петроградские власти – мол, они далеко, а мы здесь, рядом. Приходилось делать таким товарищам внушения – иногда, в случае откровенного бандитизма и беспредела, вплоть до ВМСЗ.

Больше всего времени, около десяти суток, корпус задержался в Оренбурге, ликвидируя мятеж не признавшего советскую власть атамана Дутова и одновременно делая внушение местным советским властям, которые превратили борьбу с мятежниками, общей численностью не более одной тысячи сабель, в самый настоящий антиказачий террор. Еще немного, и по всему Уралу полыхнуло бы широкое антибольшевистское казачье движение, инспирированное массовыми расстрелами, грабежами, реквизициями, контрибуциями местной большевистской верхушки, действующей под руководством председателя Оренбургского военно-революционного комитета Самуила Моисеевича Цвиллинга – члена партии большевиков с 1905 года и уголовного, приговоренного к виселице за убийство своего дальнего родственника.

В нашей истории гражданская война на Урале вспыхнула еще зимой 1917-18 годов, и с самого начала протекала очень бурно и жестоко. В результате Цвиллинг был убит уже второго апреля 1918 года. Но в этой альтернативной истории все подобные процессы были притушены, и в Оренбурге, при нейтралитете и апатии основной массы населения и слабости противостоящих сторон, на какое-то время установилось двоевластие. Из-за этого все события на Урале сдвинулись на пять-шесть месяцев вперед, только на этот раз их инициатором стал не атаман Дутов, не имеющий оснований говорить о гибели России, а местные большевики – то есть тот же Цвиллинг. В силу оторванности от местного населения этой креатуре Свердлова не удалось выиграть выборы в губсовет, и ситуация стала критической. Все началось в конце мая – начале июня, но тут как раз подошли эшелоны нашего корпуса.

Быть может, нам удалось бы спокойно проследовать через территорию зреющего мятежа, а может быть, и нет. Но я не стал рисковать и оставлять за спиной эту пороховую бочку, которая могла рвануть с любой момент. Ведь нашей обязанностью было не только отражение врагов внешних, но и борьба с врагами внутренними. Пришлось, отбив телеграмму в Петроград, чуть притормозить и установить в Оренбурге настоящую советскую власть. В результате чего за подготовку антисоветского мятежа вместе со своим ближайшим окружением под трибунал угодил не только атаман Дутов, но и самоназначенец Цвиллинг со всем своим кагалом. Приговор был строгий, но справедливый. И поделом.

Нечто подобное, пусть и в значительно меньших масштабах, мы встречали чуть ли на каждом шагу, расчищая себе путь, а настоящей советской власти – дорогу. В результате передовая бригада нашего корпуса прибыла на станцию Даурия к тому моменту, когда части постоянной готовности местной Красной Гвардии – егерская бригада полковника Слащева и разведывательно-штурмовая бригада подполковника Бесоева, которого тоже не обошли чином

– огрызаясь на наседающую японскую пехоту, медленно отступали вдоль железнодорожных путей вглубь Даурии. Они выиграли время для того, чтобы первая Даурская кавалерийская бригада войскового старшины Метелицы имела возможность сформироваться и подготовиться к боевым действиям.

Японцев в Даурии не любили еще с давних времен, и по мобилизации для отражения непосредственной угрозы в момент нападения казаки поднялись все до единого. Это по поводу Семенова и Унгерна у кого-то могли быть иллюзии, а вот с японцами все было ясно сразу. Но этих трех бригад, одна из которых была кавалерийской, то есть годилась только на роль маневренного резерва, против нескольких десятков тысяч вторгшихся японцев было недостаточно. А остальной личный состав корпуса, распущенный по домам для проведения полевых работ, собирался по мобилизации медленно, ибо что мужика, что казака в разгар лета от поля и сенокоса оторвать тяжело.

Но тут неделю назад на Забайкальский фронт прибыл наш корпус. Его передовые части, едва выгрузившись из эшелонов, помогли остановить натиск японцев, прорвавшихся уже почти к самой станции Даурия, усилиями местных жителей и красногвардейцев превращенной в полевой укрепрайон. Вражеское командование почувствовало, что теперь против него сражаются не местные ополченцы, а кадровые, хорошо вооруженные и мотивированные части с опытом Германской войны, которая закончилась совсем недавно. Несколько дней на ближних подступах к станции гремели ожесточенные бои.

Даже имея над противником качественный перевес и все увеличивающиеся резервы, я не спешил наносить решающий удар, стремясь добиться, чтобы как можно больше японских солдат легло под нашими пулеметами, шрапнелями и фугасами. Потом, по мере прибытия основных сил, включая три высланных вслед нам в качестве подкрепления кадровых стрелковых дивизии, среди которых знаменитая 52-я латышская, нам удастся отразить вражеское наступление и начать теснить японцев обратно к границе, туда, откуда они пришли.

Но все это будет потом, а пока еще не наступило время выкладывать на стол все козыри. Тем более что идет необъявленная война. Японская армия на территорию Советской России вторглась, но никаких обязательных для таких случаев дипломатических действий, вроде демаршей и объявления войны, японская дипломатия не предприняла, что наводит на мысль о том, что самураи, подобно англичанам, стараются не замечать первое государство рабочих и крестьян.

Видел я и Колю Бесоева – на второй день после нашего прибытия он на минутку заскочил к нам в штаб корпуса, чтобы согласовать наши действия. Ну, я ему и объяснил популярно, что держать на фронте в окопах его бригаду, а также бригаду Слащева – это все равно, что забивать гвозди микроскопом. Так что ему следовало немедленно сдать позиции прибывшей в первом эшелоне стрелково-механизированной бригаде подполковника Рагуленко и отойти в тыл для приведения бригады в порядок и подготовки ее к работе по специальности.

Я бы сказал ему и больше, только рядом с Колей маячила беременная – месяце так на пятом – деваха, которую тот отрекомендовал как свою жену Дарью. На комиссаршу из «Оптимистической трагедии» она не тянула, а вот на любящую и любимую женщину, а заодно его адъютанта – вполне.

Тогда я подумал, что надо будет как-нибудь поаккуратнее намекнуть Коле, чтобы он постарался убрать свою супругу с фронта, а то будет жалко, если ее убьют. А ведь она очень красивая, и к тому же беременная, а значит, вместе с ней погибнет еще не рожденный ребенок. А если она случайно попадет в плен к японцам, которые зачастую ведут себя как дикари? Нет, и еще раз нет. Жене Коли Бесоева на фронте делать нечего, и ее следует как можно быстрее отправить туда, где нет выстрелов, и где не убивают.

Потом, правда, я узнал их историю и понял, что Шекспир в данном случае нервно курит в сторонке. Некуда Николаю Бесоеву убирать Дарью. Местная она, из казачек. Родители

померли. Первый муж, от которого не осталось ничего, кроме памяти, сгинул на Германской войне. Жила вдовой, и вдруг, как снег на голову, свалился на голову Дарьи красавец офицер, который спас ее от насильников. А потом его отряд – числом малый, а в деле страшный – освободил ее родную станицу от беспредельщиков-семеновцев.

Тогда-то они и сошлись. Полюбовницей Дарью Николай иметь не захотел, а сразу предложил ей стать законной женой. Вот так они и живут. А если подполковника Бесоева куда-то переведут, то Дарья, как и положено офицерской жене, упакует свой фанерный чемоданчик и поедет за мужем хоть на край света. Короче, куда иголочка, туда и ниточка...

18 июля 1918 года. Владивосток. Светлановская улица дом 52. Резиденция Управляющего Приморской областью.

Адмирал Александр Васильевич Колчак

Похоже, относительно спокойные времена для меня закончились. Больше месяца назад мне из Петрограда пришло шифрованное сообщение о том, что по направлению к Владивостоку, через Транссиб и КВЖД, двигаются эшелоны корпуса Красной Гвардии во главе с генерал-лейтенантом Бережным. К чему бы это? Я уже знал, что этот корпус, костяком которого являются части пришельцев из будущего, правительство Сталина обычно направляет туда, где необходима вооруженная сила для того, чтобы навести порядок и установить власть, подчиняющуюся напрямую Петрограду, или отразить какую-либо внешнюю агрессию.

Но зачем этот корпус нужен здесь, во Владивостоке? Я вроде из подчинения правительства Сталина выходить не собираюсь – а если бы и захотел, то меня бы враз прикончили головорезы, приставленные ко мне на этот случай адмиралом Ларионовым. Да и желания стать удельным князьком у меня нет. Из книг пришельцев из будущего я узнал, чем закончилась моя карьера в качестве «Верховного правителя». И мне совсем не хочется совершать погружение под лед Ангары. Нет, пусть они здесь побыстрее наводят свой порядок, а потом, как они обещали, я займусь исследованием Севера. Уж очень мне хочется наладить навигацию по Северному Морскому пути. Значит, причиной появления тут генерала Бережного вместе с его корпусом – какая-нибудь внешняя агрессия, но только тогда непонятно, со стороны какой из держав.

Я попробовал выяснить цель прибытия корпуса у приставленных ко мне людей, но те лишь разводили руками, делали удивленные глаза и говорили, что им сие неизвестно. Может, врал, а может, и правда не знали. «Впрочем, – решил я тогда, – скоро этот самый генерал Бережной, с которым я пока не имел чести быть знакомым, прибывает во Владивосток и все мне расскажет лично».

Потом я узнал, что части японской армии вторглись в российское Забайкалье и стали теснить территориальные силы местной обороны. В этот самый момент к линии фронта начали прибывать эшелоны корпуса Бережного. Не завидую я японцам, потому что знаю, как воюют потомки и чем это кончается для их противников. Кстати, пока в Забайкалье гремят сражения и льется кровь, во Владивостоке эти сыны Страны Восходящего солнца ведут себя довольно тихо. Правда, на торговых кораблях, которые приходили в порт, чаще стали встречаться матросы, больше похожие на военных моряков, которым привычнее стрелять из пушек, чем стропить грузы и чистить трюмы после разгрузки. Кстати, в японских компаниях, работающих во Владивостоке, тоже появилось слишком много клерков, которые не очень-то похожи на писарей, чахнувших над конторскими бумагами. Чует мое сердце, японцы готовят нам какую-то пакость. Вот знать бы только, какую...

Окончательно я убедился, что тут что-то не так, после визита ко мне одного коммерсанта из Йокогамы, представившегося как Хироси Токита. Он напросился на прием якобы для того, чтобы получить разрешение на строительство барачков для рыбаков в заливе Посьет. Мне

кажется, что японцы построят там не бараки, а казармы, а рыбаки станут орудовать не сетями, а «арисаками» и прочими инструментами, малопригодными для рыбной ловли.

Господин Токита довольно хорошо говорил по-русски, и даже правильно произносил букву «л», которая так трудно дается японцам. Это тоже навело меня на определенные размышления. А когда он, отложив в сторону бумаги, неожиданно передал мне привет от командующего Японским Императорским флотом адмирала Като, мне все стало ясно. Под видом скромного просителя в мой кабинет заявился офицер японской разведки. И звали его, скорее всего, не Хироси Токита. Хотя, впрочем, не все ли равно – все эти тайные игрища меня мало интересовали. Но выслушать его стоило. И не только выслушать.

Я незаметно нажал на кнопку под крышкой моего письменного стола, и заработал прибор из будущего, записывающий все разговоры в кабинете. И одновременно моему секретарю (тоже из будущего) поступил сигнал, что в моем кабинете появился человек, представляющий интерес для нашей контрразведки.

Поблагодарив господина Токиту за весточку от моего старого знакомого – адмирала Като, который во время русско-японской войны был начальником штаба у адмирала Того, – я поинтересовался его здоровьем, ведь Като-сану было уже под шестьдесят.

– Спасибо, Александр Васильевич, Като-сан здоров и полон сил, – почтительно склонив голову, ответил мой посетитель. – Он готов и дальше служить нашему императору.

– Господин Токита, а когда вы имели честь увидеться с адмиралом Като? – в свою очередь поинтересовался я.

– Это было около месяца назад, – японец слегка улыбнулся, – во время моего посещения морского министерства. Я оказался там по служебной необходимости.

«Так я и поверил, – подумал я, глядя на невозмутимое лицо господина Токиты. – Ага – японские негодяи запросто гуляют по морскому министерству и мило беседуют с командующим флотом...».

Но вслух сказал:

– Удивляюсь я вам, господин Токита-сан – как вы занимаетесь торговыми делами в такое время? Вокруг война, революции – согласитесь, что в таких условиях зарабатывать деньги весьма рискованно.

– А что нам остается делать, господин адмирал? – сокрушенно развел руками японец. – Наша страна бедна полезными ископаемыми и ресурсами. Если мы не будем рисковать, то просто не выживем в этом, как вы правильно заметили, похожем на штормовое море мире. Като-сан во время разговора со мной высказал удивление по поводу того, что вы так внезапно и таинственно исчезли из Йокогамы. Наша полиция сбилась с ног, разыскивая вас. А вы вдруг объявляетесь во Владивостоке, причем, как нам удалось узнать, прибыли вы сюда на борту гигантской субмарины... – И он вопросительно посмотрел на меня.

Я сделал все, чтобы забыть все подробности моего похищения из Йокогамы, и мне совсем не хотелось вспоминать тот роковой день, когда я повстречался с липовым американским журналистом, оказавшимся старшим лейтенантом Федорцовым, человеком из будущего. Поэтому я ответил на вопрос моего визави уклончиво, не вдаваясь в подробности.

Тогда господин Токита зашел с другой стороны.

– Скажите, Александр Васильевич, вас не стесняют рамки, в которые вас загнали господа-товарищи из Петрограда? Согласитесь, что вы, с вашими талантами и умом, в том развале, который охватил Россию, можете стать правителем Дальнего Востока. Если бы вы на это решились, Японская Империя оказала бы вам всю возможную помощь. В конце концов, государство с вами во главе могло попросить мою стану взять вас под наше покровительство. И никакие красногвардейцы вам тогда были бы не страшны. Япония сумела бы защитить вас от них.

Вот так, совсем не по-японски, прямо и без обиняков, господин Токита выложил мне предложение японского правительства (ну а от чьего имени он мог обещать мне такие перспективы?).

Но я решил изобразить недалекого служаку, эдакого «морского волка», который слабо разбирается в политике. Пусть господин Токита полностью раскроет свои карты.

– Простите, Токита-сан, – ответил я, – ваше предложение чрезвычайно лестно, но я хотел бы знать, какие гарантии вы мне дадите на тот случай, если этот ужасный генерал Бережной с корпусом своих головорезов доберется до Владивостока... Ведь тогда за мою жизнь никто не даст и цента.

– Я понимаю ваши опасения, Александр Васильевич, – кивнул господин Токита. – Могу обещать вам лишь то, что в самое ближайшее время вам будет оказана финансовая и военная помощь. Силы Японской Империи огромны, и не какому-то там корпусу бывших рабочих и крестьян с ними тягаться. Одно дело – воевать против таких же полупартизанских частей местных сепаратистов, и совсем другое – с регулярными частями непобедимой японской армии. Я не буду вас торопить, господин адмирал. У вас пока есть время тщательно обдумать наше предложение. Но помните – его все же не так много, как хотелось бы. Если вы все же не решитесь на сотрудничество с нами, нам придется подыскивать другую кандидатуру.

Сказав последнюю фразу, господин Токита выразительно посмотрел на меня. Я понял его скрытую угрозу. Ведь любой диктатор, провозгласивший себя правителем Дальнего Востока, постарается избавиться от потенциальных конкурентов самым радикальным способом. А японцы ему в этом помогут.

Поблагодарив своего гостя за беседу и вежливо с ним попрощавшись, я выключил звукозаписывающую аппаратуру и откинулся на спинку мягкого кресла, чтобы еще раз обдумать ситуацию. Потом достал из ящика стола лист чистой бумаги и принялся писать подробнейший отчет о сегодняшней встрече. Было очевидно, что, если в Забайкалье имела место авантюра японского армейского командования, то сегодня ко мне приходил представитель, так сказать, конкурирующей организации – Японского Императорского флота. Япония и в самом деле очень бедная страна, поэтому армия и флот считаются в ней конкурентами, ожесточенно сражаясь между собой за выделение финансирования и благосклонность императора.

22 июля 1918 года. Вечер. Станция Даурия, железнодорожный вокзал. Штабной поезд корпуса Красной гвардии.

Генерал-лейтенант Красной Гвардии Бережной Вячеслав Николаевич

Почти три недели мы стояли в жесткой обороне под станцией Даурия, где наши стрелковые бригады, занявшие окопы вместо потрепанных егерей Слащева и штурмовиков Бесова, одну за другой отбивали массированные атаки японской пехоты. Японцы, как будто и не было для них ужасных гекатомб Порт-Артура, ходили в атаки на наши окопы в стиле Ватерлоо – густыми цепями, оставив перед собой бесполезные ножевые штыки «арисак», и ложились шеренгами в Даурскую степь под кинжальным пулеметным огнем и низко рвущимися в воздухе шрапнелями наших полевых батарей. Слава Всевышнему и основателям марксизма-ленинизма – пулеметов и полевых орудий со шрапнелями у нас было вполне достаточно, в средствах отражения массированных атак мы ограничены не были, и отбивали их с огромным уроном для противника.

Сама же японская пехота, с бараньей тупостью штурмовавшая наши окопы, была почти полностью лишена огневой поддержки, так как наша артиллерия за счет применения морских орудий превосходила японскую – как в калибре и дальности, так и в системах управления огнем. Прекрасно показали себя железнодорожные транспортеры с установленными на них шестидюймовками Канэ. Внесли свою лепту и бронепоезда, вооруженные 130-мм морскими пушками Б-7 и 102-мм пушками Б-2. И самое главное, все бронепоезда и железнодорожные

транспортеры были оснащены приборами управления стрельбой Гейслера (точно такими же, как на крейсерах и эсминцах русского флота), а на наводке и у приборов управления стрельбой стояли опытные комендоры, прошедшие Первую мировую войну на Балтике и Черном море, что называется, «от звонка до звонка».

У японцев на вооружении не было даже близко ничего похожего, и поэтому единственный японский бронепоезд, вооруженный пулеметами и двумя полевыми пушками калибра семьдесят пять миллиметров, едва показавшись на дистанции прямой видимости, тут же был искорежен морскими снарядами крупного калибра. Первый же 130-мм снаряд с «Балтийца», наведенный комендором с крейсера «Диана», вдребезги разнес бронепаровоз японского бронепоезда. Дальнейшие события, в ходе которых изделие японских мастеров превращалось в груды рваного железа, можно было описать словами: «избиение младенцев». Больше ни один японский бронепоезд не подходил к линии фронта. В основном они занимались охраной станций и железнодорожных путей от оперирующей в японских тылах сводной казачьей кавбригады войскового старшины Метелицы.

Таким образом, за истекшее с начала июля время противник потерял на подступах к станции Даурия не меньше пехотной дивизии, бронепоезд и около трех десятков орудий. Вся степь перед нашими окопами была усеяна трупами, одетыми в ядовито-зеленую форму. На летней жаре, порой достигающей до 35–40 градусов Цельсия, вонь от разлагающихся тел стояла неимоверная. Но мы категорически отказывались от заключения временного перемирия для уборки трупов. Во-первых, было нежелательно подпускать японцев на дистанцию, с которой они могли срисовать нашу систему фланкирующих огневых точек, замаскированных под кочки и пригорки. Во-вторых, каждый самурай должен был иметь перед глазами наглядный пример того, что с ним может случиться, если он в очередной раз попытается атаковать наши позиции.

Со временем атаки противника, не теряя своего ожесточения, становились все реже и реже, что указывало на истощение людских ресурсов, выделенных на эту операцию. Кроме того, казачья кавбригада Метелицы и четыре механизированные бригады нашего корпуса полностью блокировали для японского командования все попытки обходного маневра. Любое японское подразделение, отошедшее в сторону от железной дороги для обхода наших позиций под Даурией, сразу подвергалось лихим кавалерийским атакам, к которым чуть позже подключалась бронетехника наших механизированных бригад, что приводило к их полному уничтожению. Пара таких случаев, закончившихся летальным исходом для наступающих японских батальонов, напрочь отбило желание у командовавшего так называемым Сибирским экспедиционным корпусом генерал-лейтенанта Юэ Мицуэ производить дальнейшие эксперименты в этой области.

Пока шла бойня под станцией Даурия, к моему корпусу начали подходить подкрепления, направленные в Забайкалье из Центральной России. Первой была знаменитая в нашем прошлом Латышская дивизия, которую планировалось развернуть в корпус, благо источник ее пополнения в виде большого числа безземельных латышских крестьян-батраков после Рижского мира для советской власти отнюдь не был утрачен, а латышская беднота охотно становилась с оружием в руках под красные знамена. Кроме латышской дивизии, в мое распоряжение прибыли сформированная из московских красногвардейцев так называемая 1-я Пролетарская Московская дивизия, различные артиллерийские части (включая бывшие ТАОН, а ныне РВГК) а также еще две сводные дивизии, сформированные из солдат и офицеров старой армии, не пожелавших возвращаться к мирному труду и оставшихся на службе.

И вишенкой на торте стала Сводная Донская кавдивизия под командованием Семена Михайловича Буденного. Эта бригада начиналась со смешанного кавалерийского отряда, зимой 1917-18 годов сформированного из казаков и иногородних. Сначала будущие буденновцы хорошенько погоняли по Дону банды анархистствующих «братишек», а потом привели к общему знаменателю и немногочисленных сторонников атамана Каледина, устранив в руч-

ном режиме все допущенные нашим корпусом недоделки. Короче, против тех сил, что были в распоряжении японского командования, около пятидесяти тысяч штыков при семидесяти полевых орудиях – это было даже не смешно.

И сегодня в четыре часа утра земля содрогнулась от тяжелого грохота. Это по японским укреплениям ударили восьми-, одиннадцати- и двенадцатидюймовые осадные гаубицы РВГК, позже поддержанные тяжелыми полевыми орудиями калибров 152, 122 и 107 миллиметров и имеющимися у нас железнодорожными транспортерами. Дирижировал «оркестром» пятидесятилетний генерал-лейтенант старой армии Георгий Михайлович Шейдеман, бывший командующий ТАОН, с первых же дней Октября перешедший на сторону советской власти. Два часа такой артподготовки, когда от тяжелого грохота канонады в домах на станции Даурия вылетали стекла, не оставили сидящим в окопах японским пехотинцам ни малейшего шанса. Эти гаубицы могли бы разрушить и полностью забетонированный укрепрайон, а не только полевые деревоземляные укрепления, наскоро возведенные японцами после того, как их наступление захлебнулось.

Едва умолкли раскаленные от стрельбы тяжелые орудия, как в центре и на упиравшемся в горы левом фланге наших позиций свежие стрелковые дивизии начали атаку на разрушенные и молчаливые окопы противника. Одновременно на равнинно-степном правом фланге немногочисленные заслоны японцев атаковали механизированные бригады нашего корпуса, кавбригада Метелицы и Сводная Донская кавдивизия. Атаковавшие в центре латыши в некоторых местах были вынуждены буквально карабкаться через завалы гниющих японских трупов. Но, несмотря на крайне медленное продвижение нашей пехоты, уцелевшие после артподготовки японские солдаты оказывали ей только очаговое, хотя и довольно ожесточенное сопротивление.

Но главный вопрос дня решался не в лобовой атаке на разрушенные передовые позиции японской пехоты, а значительно южнее. За час до полудня наши механизированные и кавалерийские части перерезали железную дорогу в районе разъезда Билитуй. При этом японский бронепоезд, пытавшийся им помешать, был превращен в хлам пушками БМП-3. Таким образом, путь для отступления основной японской группировки был отрезан, а к пяти часам вечера кавбригада Метелицы неожиданной атакой ворвалась на приграничный разъезд № 89, где располагался штаб японского Экспедиционного корпуса, и навела там идеальный порядок, частично порубав, частично пленив японских штабистов. Генерала Юэ Мицзе живьем им взять не удалось. Тот яростно сражался с саблей в одной руке и револьвером в другой, а потом ввиду безнадежности сопротивления воткнул себе в живот кинжал-вакидзаси.

Путь в Маньчжурию был открыт. Дело оставалось за небольшим – надо было отремонтировать железнодорожные пути, потратив на это два-три дня.

26 июля 1918 года. Утро. Германская империя. Ставка верховного командования в Спа.

Присутствуют:

Император Вильгельм II

Главкомандующий – генерал от инфантерии Эрих фон Фалькенхайн

Командующий группой армий «фон Белов» (1-я, 7-я, 9-я) (Парижское направление) – генерал от инфантерии Фриц фон Белов

Командующий группой армий «Принц Леопольд» (2-я, 17-я, 18-я) (Амьенское направление) – генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский

Где-то далеко от этого тихого курортного местечка грохотала канонада, и солдаты трех европейских держав умирали каждый во имя своего Отечества. Пушки штурмовых германских панцеров прямой наводкой били фугасными снарядами по пылающему Лувру, превращенному французами в узел обороны. И никому не было никакого дела до превращенных в

пепел сокровищ мировой культуры. Люди на парижских улицах были заняты важным делом – взаимным смертоубийством. Из подвалов горящего здания то и дело трещали французские пулеметы, а германские огнеметчики, подобравшись поближе под прикрытием артиллерийского огня, выжигали их длинными смертоносными плевками.

Линия фронта в Париже установилась по рубежу Сена – Марна с отдельными германскими плацдармами на левом берегу и французскими очагами обороны на правом. Больше трех недель шла ожесточенная битва за Париж. Противники сражались за каждую улицу, каждый дом и даже каждую квартиру или отдельную комнату. Но главным очагом сопротивления стали подвалы, откуда парижские национальные гвардейцы и солдаты регулярных частей вели меткий огонь по наступающим бошам. В ожесточении сражения германские огнеметные команды выжигали их вместе с укрывшимся от войны мирным населением. Да и никому неизвестно, было ли в Париже в эти дни хоть какое-то мирное население – ведь с немецкими оккупантами воевали даже десяти-двенадцатилетние дети, чьих сил едва хватало, чтобы двумя руками удержать револьвер или выстрелить из положенной на бруствер окопа винтовки.

Вне зависимости от возраста печальна была судьба тех француженок, которые остались за линией фронта в оккупированной части Парижа. Большая часть из них подверглась самому жестокому и разнузданному насилию словно с цепи сорвавшихся германских солдат. Тех из них, что выжили, пережив групповое изнасилование, позднее собрали в стихийные германские полевые бордели. Каждый батальонный и даже ротный командир считал необходимым держать на цепи несколько француженок разной кондиции. Для себя и своих офицеров, для солдат, и как предмет для обмена с подразделениями, не имевшими столь полезного актива.

Ожесточение сражения нарастало с каждым часом. С обеих сторон к Парижу подходили свежие войска – лишь для того, чтобы через несколько часов погибнуть в кровавой мясорубке городского Вердена, по сравнению с которой померкла недавняя битва за Амьен.

Маршалу Фошу категорически не хватало сторевших там резервов. Так что теперь в бой приходилось бросать колониальный сброд – вроде спешно сформированной и отправленной во Францию сайгонской пехотной дивизии или формирований из жителей африканских колоний, в которых должности офицеров-французов начинались с командиров батальонов и выше, а ниже на ротных и взводных должностях находились сенегальцы, мавританцы, габонцы, конголезцы и гвинейцы. Над мирным французским населением такие «защитники» издевались ничуть не меньше баварских гренадер, и французские военно-полевые суды не успевали штамповать смертные приговоры, тут же заменяя их отправкой в штрафные части, которые использовались для самоубийственных атак на германские пулеметы.

По сравнению с африканцами алжирские и тунисские колониальные части выглядели идеальными воинскими формированиями – с поля боя не бежали, а в рукопашной, коли такая случалась, резались с немцами насмерть, до последней капли крови, не уступая ни шага. В силу этого германские солдаты научились в полной мере уважать боевой клич «Аллах акбар!», противопоставляя диким арабам прекрасную выучку, стойкость и высокую огневую мощь.

Имея некоторое преимущество в численности и качестве личного состава, германское командование постоянными атаками продолжало расширять в Париже занятую территорию. Но стоили эти действия так дорого, что даже самые хладнокровные немецкие генералы хватались за голову. Разрушенный, дымящийся развалинами город, ежедневно избиваемый огнем тяжелой артиллерии и налетами авиации, оказался слишком большим куском, застряв в глотке германской армии – ни туда, ни сюда.

Свежие части сторали в Парижской мясорубке за несколько дней, и при этом у германского командования не было своего Сенегала, Сайгона или Камеруна, чтобы гнать на фронт полки колониального пушечного мяса. Вместо этого генерал от инфантерии Эрих фон Фалькенхайн бросил в самое пекло Парижского сражения интернированный по просьбе советского правительства Польский легион Пилсудского, «усиленный» освобожденными из германских

тюрем уголовниками, а также западно-украинский сичевой националистический сброд, подперев все это воинство с тыла германскими пулеметами.

Пока же сражающиеся в Париже немецкие войска еще поддерживала мысль, что еще один решительный натиск, еще одно, последнее усилие – и они выбьют лягушатников из их столицы. После чего, установив черно-бело-красный кайзеровский флаг на вершине покосившейся Эйфелевой башни, они отпразднуют великую победу над извечным врагом германского рейха. Пока же ожесточение схваток только нарастало, и германская артиллерия регулярно обстреливала Эйфелеву башню шрапнельными снарядами, чтобы выбить с верхних площадок засевших там французских артиллерийских корректировщиков и разрушить антенны, с помощью которых командование парижского гарнизона поддерживало связь с Бордо (куда бежало правительство Франции) и ставкой маршала Фоша.

Этому чрезмерно затянувшемуся и стоившему огромных жертв Парижскому сражению и было посвящено собранное кайзером Вильгельмом совещание в ставке, где присутствовали как главнокомандующий генерал от инфантерии Эрих фон Фалькенхайн, так и командующие ударных группировок, осуществлявших Амьенскую и Парижскую операции.

– Господа, – озабоченно произнес кайзер, – если рассуждать формально, то наше летнее наступление увенчалось полным успехом. На самом же деле у нас получился еще один Верден. Париж глотает наших солдат как кровожадный бог войны, наше продвижение минимальное, и реки немецкой крови льются напрасно.

– Ваше величество, – по-бычьему наклонив голову, сказал генерал фон Фалькенхайн, – противник бросил против наших гренадер огромное количество разного колониального сброда. В настоящий момент на той стороне линии фронта на каждого француза приходится три, а то и четыре негра, араба, сиама или кохинхинца. Этот сброд, конечно, не идет ни в какое сравнение с нашими солдатами, но он отвлекает и утомляет наших солдат, а также заставляет их растрачивать боезапас. Было бы неплохо надавить на флотское командование, заставив его усилить операции в западном Средиземноморье и в Бискайском заливе, чтобы в Марсель или в Бордо перестали приходить пароходы, набитые чернокожими и узкоглазыми. Их проще утопить в море, чем потом выжигать огнеметами в развалинах Парижа.

– Хорошо, – кивнул кайзер, – я обязательно поговорю на эту тему с гросс-адмиралом Тирпицем, и он что-нибудь придумает. Действительно, Франция должна находиться в не менее плотной блокаде, чем Британия. А вы, господа генералы, подумайте, что еще можно сделать для того, чтобы ослабить напряжение на ключевом для нас парижском направлении.

Из-за стола поднялся генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский и, огладив бороду, произнес:

– Так как с начала парижской операции противник на нашем направлении не проявляет никакой активности, то мы, если нашей группе армий дадут хотя бы несколько свежих дивизий или пополнят имеющиеся части до полного штата, сможем нанести еще один решающий удар в общем направлении на Руан-Гавр, чтобы окончательно отрезать англичан от французов и создать угрозу глубокого охвата парижской группировки противника.

– Отлично! – воскликнул кайзер. – Вы, фон Белов, продолжайте давить на Париж изо всех сил, чтобы лягушатники не могли снять у вас ни единого солдата. А вы, принц, тем временем нанесете свой удар под Амьеном, который и в самом деле должен быть последним в этой затянувшейся войне. На подготовку я даю вам ровно месяц. А пока можете быть свободными – вашему кайзеру нужно немного полежать и хорошенько обо всем подумать.

30 июля 1918 года. Петроград. Таврический дворец Глава ИТАР Тамбовцев Александр Васильевич

Нет, все-таки пребывание в прошлом имеет даже некоторую прелесть. Ведь только здесь можно встретиться с людьми, с которыми ты никогда не встретишься в нашем настоящем.

Потому что люди эти давно умерли, и судить о них можно лишь по воспоминаниям современников и их творчеству.

Сегодня я встретился с одним таким человеком. А случилось это вот как – где-то в середине рабочего дня ко мне позвонил Сталин и предложил заглянуть к нему. На мое осторожное отнекивание и ссылки на нехватку времени он таинственно произнес:

– Александр Васильевич, зайдите, не пожалеете. Поверьте, если бы я вас не пригласил встретиться с человеком, который сейчас сидит в моем кабинете, вы бы мне никогда этого не простили.

Умеет, однако, товарищ Сталин заинтриговать собеседников... Чего-чего, а этого у него не отнимешь. Я вздохнул, обреченно посмотрел на кипу неотработанных документов и отправился к председателю Совнаркома.

В кабинете Сталина я увидел одетого по последней европейской моде иностранца. Скорее всего, это был англичанин – внешне он чем-то смахивал на актера Виталия Соломина в роли доктора Ватсона. Лицо его показалось мне знакомым. Нет, я точно помнил, что раньше с ним не встречался, но где-то я его уже видел. Плотная крепкая фигура, умное свежее лицо, с румянцем на щеках. Аккуратно подстриженные умы и зоркие, чуть прищуренные глаза...

Батюшки! Да это же Герберт Джордж Уэллс собственной персоной! Каким ветром его занесло к нам в Петроград? Я знал, что впервые он побывал в России еще в январе 1914 года. Тогда он посетил Санкт-Петербург и Москву. А вот в следующий раз в нашем прошлом он должен был посетить Страну Советов только в сентябре 1920 года. В Москве Уэллс встретится с Лениным, которого позже назовет в своей книге «Кремлевским мечтателем» и доброжелательно отзовется о том социалистическом эксперименте, что происходил в Советской России. Потом должен был быть еще один его приезд в СССР, в 1934 году, когда Уэллс встречался со Сталиным... Но в этой реальности их встреча произошла на шестнадцать лет раньше.

В кабинете Предсовнаркома находилась Ирочка Андреева, которая переводила беседу своего мужа с британским писателем-фантастом. Она приветливо помахала мне рукой и пригласила присесть рядом.

– Вот, Александр Васильевич, познакомьтесь, – Сталин лукаво подмигнул мне. – Нас посетил всемирно известный литератор мистер Уэллс. Надеюсь, вы считали его произведения?

Потом Ирочка представила меня. Мне переводчик был не нужен – английский я знал достаточно хорошо, но показывать свое знакомство с языком Шекспира не стал – так мне было легче обдумывать ответы на вопросы Уэллса, которые он наверняка мне задаст. Интересно, Сосо успел сообщить ему о моем и Иринином иновременном происхождении?

Сталин и Герберт Уэллс продолжили свою беседу. Как я понял, британец излагал председателю Совнаркома свои «фабианские» взгляды на развитие общества. Фантаст – он и в политике фантаст. Уэллс уповал на построение коммунистического будущего эволюционным путем, когда для давления на правительства европейских государств будут использоваться уже существующие политические институты – партии, парламенты, общественные организации.

– Заметьте, мировая революция не подразумевает атаку на какое-нибудь существующее правительство, конституцию, политическую организацию, – вдохновенно вещал Уэллс, – пусть каждый, мужчина и женщина, кто поймет неизбежность революционных изменений, приступит сейчас же к формированию пропагандистских кружков. Британский маршал авиации может заставить людей обсуждать права человека. Японский крестьянин может добиться точно того же...

«Ох уж эти сказки, ох, уж эти сказочники... – подумал я. – Будет маршал авиации заморачиваться правами человека. Да он просто прикажет разнести всех этих защитников прав человека бомбами с самолетов! Видели мы, как британская, американская и прочая авиации боролась за права человека в Сербии и Ираке...»

Тем временем Уэллс продолжал вещать, как записной оратор в Гайд-парке, а Ирочка едва успевала переводить.

– В час, когда Революция окончательно свершится, – заявил он, – тройной целью ее будет всемирное разоружение, утверждение свободы и достоинства каждой человеческой личности, освобождение Земного шара от частной и государственной экспроприации, с тем, чтобы все земли мира использовались только для общечеловеческого блага. Спорить больше не о чем. Революция должна выполнить свои задачи, пользуясь техникой, созданной в предыдущие годы, и современными способами массового распространения идей. Чтобы добиться решения этой основной задачи, революция создаст везде, где только можно, образовательные кружки и ячейки. Основным содержанием пропаганды будут права человека, вырастающие на базисе трех главных целей ее. Эти права опираются на основные требования, предъявляемые Человеком от своего имени и от имени Человечества. Без них на Земле никогда не водворится мир, не наступит век свободы, единства и изобилия. О каждом правительстве, о каждом, кто стремится стать лидером, о каждом государстве, о любой организации должны будут впредь судить только на основании того, подчиняют ли они свою деятельность задачам Революции: она определит их работу и станет их единственной целью. Этот важнейший труд по пробуждению Нового Мира надо вести на всех языках Земли. Коммунисты уже сто лет назад проделали во всемирном масштабе такую работу, хотя у них было несравненно меньше возможностей. Сегодня мы должны заново выполнять ее, используя все доступные средства. Отбросим в сторону громкие имена и самих вождей; основой и существом пропаганды отныне да станут права человека, сформулированные во всей их нагой простоте и ясности... Вот такой исходный образец для этого предлагаю я, – торжественно произнес Уэллс и замер, вздернув вверх подбородок, словно ожидая одобрительных аплодисментов. Но они почему-то не прозвучали.

– Вы хороший человек, мистер Уэллс, – сказал Сталин. – И мы благодарны вам за то, что вы заботитесь о правах человека и о мире на земле. Мы готовы подписаться под каждым вашим словом. Но, если честно, это все мечта, причем, на данный момент недостижимая. Реальность же требует от нас бороться не только за провозглашенные вами общечеловеческие ценности, но и за само существование нашего государства. В октябре прошлого года мы взяли власть в свои руки, и до сих пор занимаемся только тем, что отбиваем с оружием в руках наскоки на нас капиталистических государств. Не поддаются они на нашу пропаганду прав человека, ибо понимают лишь силу. Будь мы слабее, они бы прошлись бы по нашей земле огнем и мечом. В своей книге «Люди как боги» вы описываете грядущее коммунистическое будущее. Только в реальности построить его будет непросто. Человечеству придется пройти через войны – такие, как та, которая продолжается вот уже четвертый год, и все не может закончиться. А ведь возможно, что люди овладеют энергией атома, и одна из последующих войн будет вестись с применением «атомной бомбы», которую вы так ярко описали в 1914 году в своем романе «Освобожденный мир». Вы даже представить себе не можете, что это будет за война! Как сказал один умный человек, «после той войны человечество еще долго сможет воевать только палками и камнями».

– Мистер Сталин! – воскликнул Уэллс. – Я поражен тем, что такой человек, как вы, который к тому же, как я слышал, долгое время находился в ссылке в глухой тайге, смог перечитать мои книги! Вы говорите о будущем так, словно знаете, что произойдет на Земле через двадцать, тридцать лет или сто лет.

– Мистер Уэллс... – Сосо лукаво улыбнулся и хитро посмотрел на британца. – Я могу лишь гадать о том, что произойдет через много-много лет. А вот присутствующие здесь моя супруга и товарищ Тамбовцев могли бы рассказать вам о будущем куда как более определенно. Если они, конечно, захотят это сделать.

Тут Сталин подмигнул мне, словно предлагая решить, рассказать Уэллсу о том мире, из которого мы прибыли в 1917 год, или нет. Я пожал плечами: дескать, как скажете, товарищ Предсовнаркома.

Британец, внимательно наблюдавший за нашей беззвучной беседой, потерял всю свою хваленую выдержку и, словно ребенок при виде лакомства, жалостливо посмотрел на меня.

– Мистер Тамбовцев, ради всего святого, расскажите о будущем все, что вам известно!

– Ну, что ж, мистер Уэллс, – ответил я, устраиваясь поудобнее, – приготовьтесь услышать историю, которая даже вам покажется фантастической... Но только надо учесть, что жизнь иногда выкидывает такие коленца, которые не придут в голову ни одному литератору даже с самой буйной фантазией. А произойдут ли эти события – зависит уже только от нас. Ведь мы для того и прибыли в этот мир, чтобы многое отменить совсем, а многое сделать по-другому. Поэтому вы можете описать все это в одном из ваших фантастическом романов. А поверят вам или нет – тут уже все будет зависеть от вашего литературного таланта... Итак, все началось в 2012 году от Рождества Христова, когда по Средиземному морю в Сирию шла русская военно-морская эскадра...

22-я часть

Закат Европы

3 августа 1918 года. КВЖД, Харбин. Резиденция управляющего КВЖД.

Присутствуют:

Управляющий КВЖД генерал-лейтенант Дмитрий Леонидович Хорват

Командующий особым корпусом Красной гвардии генерал-лейтенант Вячеслав Николаевич Бережной

Прошло чуть более полугода, и вот в том кресле, где когда-то сидел ныне покойный атаман Семенов, призывавший Хорвата присоединиться к его крестовому походу против большевиков, сидит самый что ни на есть кондовый большевик Бережной. А сам Семенов повешен по приговору ревтрибунала в Чите.

«А этот полковник Бережной-то далеко не прост, – думал Хорват, внимательно разглядывая своего собеседника, – у него тяжелый, все понимающий взгляд, от которого хочется съежиться и спрятаться под стол...»

Да и не мог быть простым человек, который, еще будучи полковником, сначала безоговорочно поддержал правительство Сталина, которому предрекали не больше недели существования, а потом мизерными силами вдребезги разгромил таких корифеев военного дела, как фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф. При этом разбил германцев так, что спасти окруженную на правом берегу Двины 8-ю германскую армию примчался сам кайзер. И закончилось все почетным для России Рижским миром.

Потом это человек вместе с набранной неизвестно где бандой головорезов, названной им бригадой Красной Гвардии, прошелся огнем и мечом по необъятным российским просторам, беспощадно расправляясь даже с малейшим намеком на какую-либо самостоятельность.

И вот, когда слава о Бережном обошла весь свет, он сидит в этом кабинете и диктует ему, Хорвату, что и как тот должен делать, чтобы заслужить благоволение новой власти. Да и какая она, эта власть, к чертям собачьим, новая? Временное правительство, сперва кадета князя Львова, а затем эсера Керенского, продержалось всего семь месяцев, после чего рухнуло под тяжестью созданного им же хаоса. А правительство Сталина существует уже десять месяцев, и его позиции с каждым днем становятся только крепче. Люди дела доказали свое явное преимущество перед самовлюбленными политическими говорунами. Он, генерал-лейтенант Хорват, тоже считал и считает себя человеком дела, но до тех государственных масштабов ему далеко. Собственно, узкая полоса отчуждения КВЖД – для него предел, и для его управленческих возможностей, и для его амбиций. А потому он и не пытался, как его ни уговаривали, стать самостоятельным игроком.

В последнее время тут пытались заправлять всем представители японского армейского командования, фактически оккупировавшие КВЖД и установившие на ней свои порядки. Причем, как выяснил Хорват, делалось это все в полуофициальном порядке, с негласного одобрения японского премьер-министра маршала Тэраути Масатакэ. Поэтому и японское министерство иностранных дел не отреагировало ни на фактический захват КВЖД, ни на армейскую эскападу с вторжением в российское Забайкалье, ни на разгром этих войск неожиданно выдвинувшимся к месту боевых действий корпусом Красной Гвардии, ни на ликвидацию фактической японской оккупации КВЖД и установление контроля над ней со стороны советского правительства. Так как командовавший вторжением японский генерал Юэ Мицуе погиб в бою с казаками войскового старшины Метелицы, то теперь снимается и вопрос о традиционных извинениях*, которые в случае неудачи японские полководцы должны приносить Божественному Тэнно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.